Коммерсантъ
24 НОЯБРЯ 2017 НОМЕР 40

ЭКСПЕРТ

ДЕНЬГИ

WEEKEND

DG - ПАЛЕРМО РЕКЛАМА

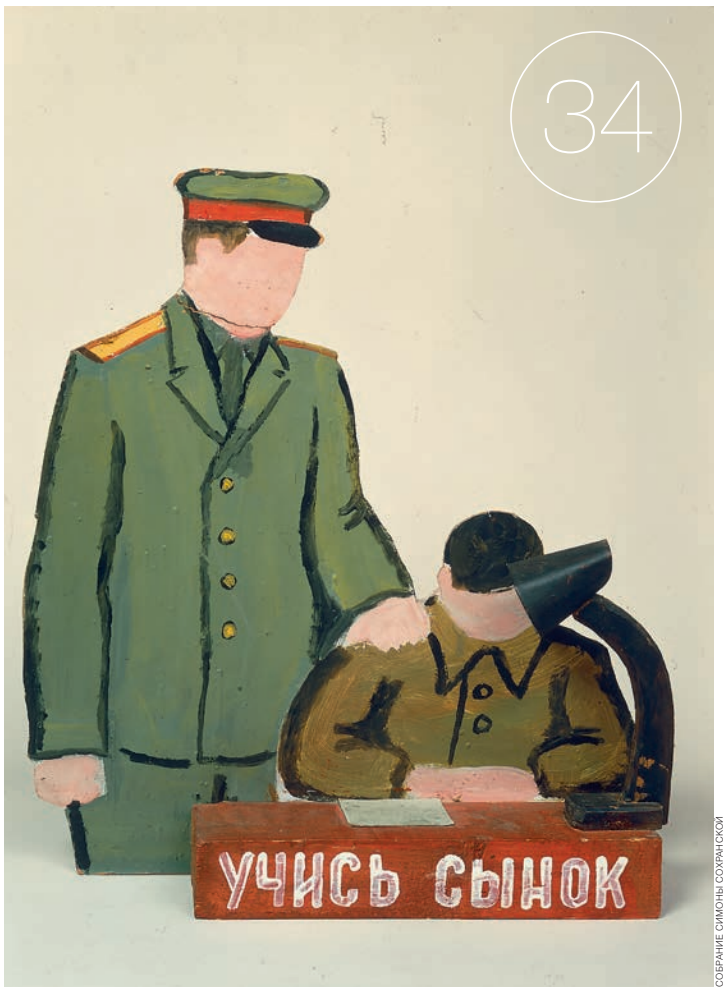
МОСКВА:
ТРЕТЬЯКОВСКИЙ ПРОЕЗД, 2
Т. 495.933.3376
КУТУЗОВСКИЙ ПРОСПЕКТ, 31
Т. 495.933.3037
БАРВИХА LUXURY VILLAGE
Т. 495.225.8850
ЦУМ, УЛ. ПЕТРОВКА, 2 Т. 8.800.500.8000
TSUM.RU
С.-ПЕТЕРБУРГ:
ДЛТ, УЛ. Б. КОНЮШЕННАЯ, 21-23А
Т. 812.648.0848
DOLCEGABBANA.IT

QUEEN
QUEEN
DOLCE & GABBANA
QUEEN
QUEEN
DOLCE & GABBANA
QUEEN
DOLCE & GABBANA
DOLCE & GABBANA
#DGPALERMO

FENDI.COM Реклама

FENDI

Содержание



СОБРАНИЕ СИМОНЫ СОХРАНСКОЙ

АФИША

— 12 **Non/fiction: главные книги**
Выбор *Игоря Гулина* и *Лизы Биргер*

— 24 **Имена и вещи**
Варвара Бабицкая о книге Марии Степановой «Памяти памяти»

— 26 **Голливудские «красные» разбегаются по миру**
«Охота на ведьм». Проект *Михаила Трофименкова*

— 28 **Триумф иноагента**
Станислав Ф. Ростоцкий о Джеки Чане и истории его покорения Голливуда

— 30 **Пьян и мерзок — как все**
Алексей Васильев о «Глупеньком» Билли Уайлдера и эволюции звездного имиджа

— 32 **«Надо слегка раздражать зрителей — это обостряет внимание»**
Кристиан Шпук о своем «Щелкунчике»

— 34 **Мир, труд, пей**
Анна Толстова о художнике, сумевшем возмутить и компанию Coca-Cola, и православных активистов

— 36 **Мыло миллениальное**
Татьяна Алешичева о возвращении почтенного тележанра

— 40 **Сарданапал на троне св. Эдуарда**
500 лет Реформации. Проект *Сергея Ходнева*

— 42 **10 альбомов ноября**
Выбор *Бориса Барабанова*

ДОРОГИЕ УДОВОЛЬСТВИЯ

— 44 **Гламур возвращенный**
Елена Стафьева о юбилее By Kilian

Марина Прохорова о коллекциях FW 2017/18

— 46 **Bottega Veneta**

— 48 **Saint Laurent**

— 50 **Haider Ackermann**

— 51 **The Row**

— 52 **Stella McCartney**

— 53 **Tod's**

ВЛАДИМИР ЖЕЛОНКИН
ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ДИРЕКТОР
АО «КОММЕРСАНТЪ»
СЕРГЕЙ ЯКОВЛЕВ
ШЕФ-РЕДАКТОР
АО «КОММЕРСАНТЪ»
АНАТОЛИЙ ГУСЕВ
АВТОР ДИЗАЙН-ПРОЕКТА

ЕЛЕНА НУСИНОВА
ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
ДАРЬЯ СМОЛЯНИНОВА, ТАТЬЯНА ШИШКОВА
ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА
ОЛЬГА ФЕДЯНИНА
РЕДАКТОР

ДАРЬЯ ТИМЧЕНКО
ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР
МАРИЯ БЕССМЕРТНАЯ, УЛЬЯНА ВОЛОХОВА, НИКИТА СОЛДАТОВ
РЕСЕЧЕРЫ

МАРИНА ПРОХОРОВА, ЛИЛИЯ МУРСАЛИЕВА, ВИКТОРИЯ МИХАЙЛЕНКО
SHOPPING, BEAUTY
ТАТЬЯНА НАЗИНА
МЕНЕДЖЕР ПРОЕКТА
НАТАЛЬЯ КОВТУН
АССИСТЕНТ

ЕЛЕНА ВОЙНАЛОВИЧ
КОРРЕКТОР
СЕРГЕЙ ШАПОВАЛОВ
КОРРЕКТОР

ВАСИЛИЙ БИРЮКОВ
ГЛАВНЫЙ ХУДОЖНИК
МАРИЯ ЛОБАНОВА
БИЛЬД-РЕДАКТОР
ВИКТОРИЯ МИХАЙЛЕНКО
ФОТОРЕДАКТОР
СЕРГЕЙ КИРШИН
ВЕРСТКА

ДИРЕКЦИЯ ПО РЕКЛАМЕ:
ОТДЕЛ ПРОДАЖ —
НАДЕЖДА ЕРМОЛЕНКО;
E-MAIL:
ERMOLENKO@KOMMERSANT.RU

ОТДЕЛ РАЗМЕЩЕНИЯ —
НАТАЛЬЯ ЧУПАХИНА;
E-MAIL:
CHUPAHINA@KOMMERSANT.RU
(495) 797 6970 д. 2772

ЖУРНАЛ «КОММЕРСАНТЪ WEEKEND» ЗАРЕГИСТРИРОВАН В РОСКОМНАДЗОРЕ ПИ №ФС77-64418 31.12.2015. УЧРЕДИТЕЛЬ — АО «КОММЕРСАНТЪ».
АДРЕС РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЯ: 121609, Г. МОСКВА, РУБЛЕВСКОЕ ШОССЕ, Д. 28 • ТИПОГРАФИЯ: PUNAMUSTA, KOSTI AALTOSEN TIE 9, 80141 JOENSUU, FINLAND • ЦЕНА СВОБОДНАЯ. ТИРАЖ 85 000 ЭКЗЕМПЛЯРОВ

18+

← МАТЕРИАЛЫ НА ТАКОМ ФОНЕ ПУБЛИКУЮТСЯ НА КОММЕРЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ. ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ИХ СОДЕРЖАНИЕ НЕСЕТ РЕКЛАМОДАТЕЛЬ

Реклама

Роз де Вон

Beyond Perfume*

*Больше, чем Аромат louisvuitton.com

LOUIS VUITTON

ПРЕДОСТАВЛЕНО ПРЕСС-СЛУЖБОЙ МУЗЕЯ

ВЫСТАВКА

Модернизм без манифеста. Часть 2. Ленинград. Собрание Романа Бабичева

Московский музей современного искусства на Петровке
28 ноября 2017 года — 14 января 2018 года

Колоссальная коллекция Романа Бабичева в новом ракурсе: ленинградская школа 1920–1950-х годов, но не только в виде городского пейзажа и литографии. Речь идет об учениках Петрова-Водкина, Филонова, Малевича и Владимира Лебедева — об их внутренней эмиграции и других тактиках выживания после 1932 года и соцреалистической зачистки художественной местности.

БАЛЕТ

Баланчин / Тейлор / Гарнье / Экман

Музыкальный театр имени Станиславского и Немировича-Данченко
25–27 ноября, 19.00

Представляя уже вторую программу одноактных балетов, балетный худрук Музтеатра Станиславского Лоран Илер продолжает знакомить москвичей с мировой историей балета. Бесхитростно перечисляя в названии вечера имена известных хореографов XX–XXI столетий, театр скромно умалчивает, что трое их из них никогда не ставили в России. Широко известна лишь «Серенада» Чайковского — Баланчина (1934) — в этом неоромантическом балете женская часть труппы будет сдавать экзамен на зрелость. Пола Тейлора, классика американского модерна, представит его балет «Ореол» на музыку Генделя (1962). Жака Гарнье к историческим фигурам не причислить, однако именно он постарался вытащить французский балет на тропинку фольклорной свободы — маленький «Онис» (1979) на музыку Мориса Паше тому подтверждение. Завершит программу кумир дня сегодняшнего: шведа Александра Экмана любят за чувство юмора — его «Тюль» (2012) на музыку Микаэля Карлссона позволит взглянуть на академическую классику без излишнего пиетета.

ВЫСТАВКА

Казимир Малевич. Не только «Черный квадрат»

Павильон «Рабочий и колхозница», ВДНХ
24 ноября 2017 — 25 февраля

Куратором выставки преимущественно «раннего и малоизвестного» Малевича выступает Александра Шатских, один из главных отечественных малевичеведов. Обещают показать всяческие раритеты и неожиданности — например, гелиогравюры из «Юбилейного альбома Московского художественного театра» или флакон одеколона «Северный», сделанный для парфюмерной фирмы Брокара в начале 1910-х годов. Еще обещают большой документальный раздел, в том числе подробный рассказ о семье художника — выставят даже графику его младшего брата Мечислава. Помимо музеев обеих столиц в проекте участвуют художественные музеи Екатеринбурга, Красноярска, Нижнего Новгорода, Самары, Саратова, Тулы, а также частные коллекции Валерия Дудакова и Марины Кашуро, Sepherot Foundation, Инге и Филипа ван ден Хурк и другие.

ГМИИ ИМЕНИ А.С. ПУШКИНА

ФИЛЬМ

Город кошек

с 30 ноября

Героями фильма Джейды Торун стали семь кошек, которые живут на улицах Стамбула — города, который с большим почтением относится к этим представителям животного мира. Но сколь бы ни были серьезны намерения авторов фильма, для зрителей «Город кошек», ставший хитом документального проката в США, скорее относится к удовольствиям из разряда guilty pleasure: полтора часа котиков на большом экране.

КОНЦЕРТ

А Бу и Олег Аккуратов

Большой зал Московской консерватории
30 ноября, 19.00

В Россию возвращается один из самых талантливых молодых джазменов планеты — китайский пианист А Бу. Вместе с Московским джазовым оркестром под управлением Игоря Бутмана и камерным ансамблем солистов «Эрмитаж» семнадцатилетний А Бу сыграет произведения 80-летнего Николая Капустина. Во втором отделении выступит российский вундеркинд — пианист из Ейска Олег Аккуратов, работающий в последние годы в Квартете Игоря Бутмана и Московском джазовом оркестре. Сообщается, что концерт посвящен «60-летию российско-китайской дружбы».

ФИЛЬМ

Пока мы здесь

Кинотеатр «Формула кино Горизонт»
25 ноября, 19.15

Новый фильм Киёси Куросавы из конкурса «Особый взгляд» Каннского кинофестиваля. Куросава — постоянный участник этой престижной программы и дважды получал награды — за лучшую режиссуру с фильмом «Путешествие к берегу» (2015) и призом жюри за «Токийскую сонату» (2008). На этот раз он представил мистический хоррор об исчезнувшем муже, вернувшемся домой и объявившем жене, что он инопланетянин.

ФИЛЬМ

Легенда о Коловрате

с 30 ноября

Полнометражная экранизация памятника древнерусской литературы «Повесть о разорении Рязани Батыем» спродюсирована Джаником Файзиевым (который в режиссуре совершил крутой вираж от «Турецкого гамбита» по Борису Акунину до «Августа. Восьмого» по мотивам официальной версии пятидневной войны в Южной Осетии) и компанией «Централ партнершип» — в надежде монетизировать патриотический подъем, о котором много говорят федеральные каналы.

ФИЛЬМ

Дыши ради нас

с 30 ноября

Кинопамятник в жанре медицинской драмы, поставленный благодарным сыном Джоном Кавендишем, продюсером фильма, своим родителям — Робину и Диане. Основанная на реальных событиях история любви, в которой печальный финал отсрочен на 36 лет — ровно столько прожил главный герой Робин, после того как заболел полиомиелитом и вирус полностью парализовал его вплоть до невозможности самостоятельно дышать. Благодаря усилиям жены ему удается выбраться из больницы, изобрести на пару с другом кресло-каталку со встроенной системой искусственного дыхания, на которой он объездит полмира и будет бороться за права инвалидов.ы

ВЫСТАВКА

Детская книга 1917–2017. История с продолжением

ЦДХ
29 ноября — 3 декабря

Одновременно с ярмаркой интеллектуальной литературы non/fiction на третьем, детском этаже ЦДХ пройдет организованная куратором детской программы издательством «КомпасГид» выставка об истории детской книги за 100 лет. Год отсчета выбран не только из уважения к юбилею революции, но и как год выхода «Крокодила» Корнея Чуковского — основополагающей детской книги на весь последующий век. На выставке — редкие издания из фондов РГДБ и РГБ, плакаты о пользе чтения, иллюстрации и другие артефакты. Корней Чуковский и Даниил Хармс, Сергей Михалков и Агния Барто, Аркадий Гайдар и Валентин Катаев, Виктор Драгунский и Кир Булычев, Юрий Коваль и Владислав Крапивин, Тим Собакин и Марина Бородицкая — вся эволюция детской книги в советской и постсоветской России на одной выставке.

КОНЦЕРТ

Confidence Man

Клуб «Плутон»
30 ноября, 19.00

Австралийская группа Confidence Man — очередной гость серии вечеринок «Поп Корн», на которых известное промоутерское агентство Pop Farm (концерты Imagine Dragons, Kasabian и пр.) показывает практически неизвестных, но подающих надежды артистов. У Confidence Man пока еще даже нет полноценного альбома, зато есть смешные низкобюджетные клипы, а главное — заразительная музыка с приветом девяностым. Группу уже расслышали на фестивалях The Great Escape и Glastonbury. Confidence Man успели сыграть на престижных площадках и обзавестись ремиксами от Jagwar Ma и Lindstrom. Вход на мероприятие бесплатный, да еще с приложением в лице открывающего сета московской группы «Спасибо».

КОНЦЕРТ

The Thing

Культурный центр «Дом»
28–29 ноября, 20.00

«Если у тебя иссякнет любопытство, твоя музыка умрет!» — такой принцип исповедуют шведский саксофонист Матс Густафссон и его норвежские партнеры по трио The Thing, которое играет на опасном стыке между панк-роком и фри-джазом и постоянно открывает новые горизонты. Трио время от времени сотрудничает с патриархами фри-джаза, а звучит все более по-роковому. Впрочем, оно всегда обманывает ожидания: рассчитываешь на акустический панк — тебе предлагают эксперименты с электроникой, а в следующий раз — программу, которую можно с натяжкой назвать деликатной по звучанию. Но в этот раз едва ли не главный сюрприз не в самом концерте The Thing, который пройдет 28 ноября, а в мероприятии, которое состоится там же днем позже: участники ритм-секции трио выступят соло, а также в дуэтах с членами московского лихого ансамбля «Бром»: контрабасист Ингебрихт Хокер Флатен — с саксофонистом Антоном Пономаревым, а барабанщик Пол Нильссен-Лав — с контрабасистом Дмитрием Лапшиным.

ВЫСТАВКА

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ В. В. МАЯКОВСКОГО

Третьяков.doc

Мультимедиа Арт Музей
до 4 февраля

Мультимедиа Арт Музей совместно с Музеем Маяковского отмечает 125-летие со дня рождения и 80-летие со дня расстрела Сергея Третьякова (1892–1937), апостола литературного и театрального авангарда, лефовца, производственника, теоретика «литературы факта» и провозвестника документального театра, соратника Мейерхольда, Эйзенштейна, Маяковского, Брехта, вдохновителя и героя эссе Вальтера Беньямина «Автор как производитель». Реабилитированный в 1956-м, в России он лишь недавно вернулся в поле актуальной культуры и начал восприниматься как абсолютно современный художник. В экспозиции, выстроенной на текстах Третьякова, более сотни книг, журналов, афиш, театральных эскизов, снимков спектаклей, фрагментов фильмов и прочих редкостей из профильных коллекций — от РГАЛИ и Госфильмофонда России до Архива Бертольта Брехта при Берлинской академии художеств. Выставкой «Третьяков.doc» начнется посвященный Третьякову фестиваль, который продлится до февраля 2018 года. В декабре в рамках фестиваля в Мультимедиа Арт Музее, помимо выставки, покажут «Кинематограф Сергея Третьякова», то есть фильмы, снятые по его сценариям: «Элисо» Николая Шенгелая (1928), «Соль Сванетии» Михаила Калатозишвили (1930) и «Хабарда!» Михаила Чиаурели (1931).

ЛЕКЦИЯ

Польша Гротовского

Культурный центр «Хитровка»
30 ноября, 19.00

В образовательной программе «Хитровки» появился компактный цикл лекций о европейских странах, которые в лице отдельных своих представителей радикально изменили мировой театр. Лекции идут не по хронологии, а в свободном порядке. Театровед и театральный критик Алена Карась расскажет о Ежи Гротовском и феномене польского театра, который сегодня во многом определяет европейский театральный ландшафт. За этим последуют Германия Брехта (5 декабря, Ольга Федянина) и Англия Шекспира (7 декабря, Алексей Бартошевич).

ФИЛЬМ

На пределе

Кинотеатр «Формула кино Горизонт»
30 ноября, 21.30

Новый фильм Фатиха Акина из конкурса Каннского кинофестиваля, получивший награду за лучшую женскую роль: Диана Крюгер играет немку, мужа которой убили неонацисты (он был турком) и которая отчаялась добиться справедливости в суде. Сценарий Акин написал в соавторстве с актером и режиссером Харком Бомом, который известен в первую очередь своим длительным сотрудничеством с Райнером Вернером Фассбиндером. В Москве «На пределе» будет показан в рамках 16-го фестиваля немецкого кино, который откроется 29 ноября и продлится до 5 декабря.

ФИЛЬМ

Замри — умри — воскресни!

Государственная Третьяковская галерея, Инженерный корпус
25 ноября, 20.30

Фильм, снятый по автобиографической повести дебютантом Виталием Каневским, получил «Золотую камеру» на триумфальном для советского кинематографа Каннском фестивале 1990 года (там же приз за лучшую режиссуру получил Павел Лунгин со своим дебютом «Такси-блюз»). Фильм, в подробной стилистике Алексея Германа рассказывающий о барачном детстве в Сучане, больше похожем на ИТЛ, стал тайной классикой. Здесь дебютировала Динара Друкарова, позже сыгравшая главную женскую роль у Балабанова в «Про уродов и людей». Показ проходит в рамках фестиваля «Blick'17», посвященного творчеству Харуна Фароки: его фильм «Образы тюрьмы», по мысли кураторов составляющий с картиной Каневского своеобразную пару, покажут в тот же вечер в 19.00.

VK.COM/ARIKRAMBRERY

КОНЦЕРТ

Мари Краймбрери

Клуб «Москва»
28 ноября, 20.00

Девушка, о которой год назад мало кто знал даже в интернете, заряжает под презентацию дебютного альбома целый клуб «Москва». У Мари Краймбрери 72 000 подписчиков в инстаграме, имидж дерзкой городской девчонки и контракт с крупным рекорд-лейблом. Красивая история популярности нового типа: не артист обивает пороги продюсерских центров, а продюсеры бьются за его расположение. И делают на него очень большие ставки.

СПЕКТАКЛЬ

Слуга двух господ

Школа драматического искусства
24 ноября, 20.00

Актер, режиссер и хореограф Константин Мишин поставил себе и своим актерам цель — вернуть комедию Гольдони в одну из самых мощных театральных традиций мира, в традицию итальянского импровизационного театра комедии дель арте. Обещают, что происходящее на сцене будет неожиданностью не только для зрителей, но и для самих актеров. Импровизационный театр подразумевает очень сложную и развитую актерскую технику, которой русский театр традиционно почти не владеет,— тем интереснее посмотреть, что получилось у Константина Мишина и его команды.

Non/fiction: главные книги

С 29 ноября по 3 декабря в ЦДХ пройдет 19-я Международная ярмарка интеллектуальной литературы non/fiction — за пять дней здесь можно обеспечить себя чтением на весь следующий год. **Игорь Гулин** и **Лиза Биргер** выбрали 50 книг для взрослых и детей, на которые стоит обратить особое внимание

4

ПАМЯТИ ПАМЯТИ
МАРИЯ СТЕПАНОВА

Одно из главных событий в русской литературе последнего времени — первая книга прозы известного поэта и эссеиста Марии Степановой. Проза это — в довольно условном смысле. Сама Степанова лукаво обозначает жанр «Памяти памяти» как «романс», обнажая уязвимую сентиментальность затеи и пряча ее амбициозность. Следуя за любимым авторами — Сьюзен Зонтаг и В.Г. Зебальдом,— она разворачивает свое письмо в невидимых пазах между разными модусами речи: нарративной прозой, критическим эссе, исповедью. Это попытка написать историю собственной семьи. Но главным содержанием становится не разматывание фамильного древа, а недоступность, сопротивление прошлого. Сопротивление это оказывается физическим, видимым в старых фотографиях. Одной из главных тем Степановой всегда были мучительно близкие отношения с мертвыми. Здесь этот сюжет выходит на принципиально новый уровень.

НОВОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Подробнее о книге на странице 24

ПРЕДАТЕЛЬ АДА
ПАВЕЛ ПЕППЕРШТЕЙН

В последнее время Павел Пепперштейн, один из основателей группы «Медицинская герменевтика», изобретатель «психоделического реализма», соавтор «Мифогенной любви каст», главный трикстер русского интеллектуального мейнстрима, активно выступал как художник, но новых книг не выпускал с 2011 года, с не самой удачной «Пражской ночи». В этом большом сборнике рассказов Пепперштейн возвращается в лучшей форме. Три десятка остроумных поделок, лукавых притч без морали, героических матрешек и небрежных сеансов разоблачения мироздания с участием Гитлера и Малевича, Пикассо и Кеннеди, хоббитов, космонавтов и черепах.

НЛО

ЦАРЬ ВЕЛЕЛ ТЕБЯ ПОВЕСИТЬ
ЛЕНА ЭЛТАНГ

Романы Лены Элтанг — аутические детективы, сентиментальные головоломки, кружевные истории печальных странствий, переполненные аллюзиями, но требующие от читателя не интеллектуального бэкграунда, а сочувствия. Любимый сюжет Элтанг — переписывание прошлого и причудливо-пугающее возвращение забытого. В этом смысле «Царь велел тебя повесить» — книга особенная. По сути, это переработанный старый роман писательницы «Другие барабаны». В той книге загадки, на протяжении сотен страниц мучавшие сидящего в тюрьме героя, так и остались неразгаданными. Спустя семь лет Элтанг возвращается, снова тасует карты, вытаскивает из шкафов скелеты, чтобы еще раз разыграть трагикомический сюжет с несчастными литовскими писателями, мертвыми порнографами и семейными драгоценностями — внести ясность или еще большую путаницу.

CORPUS

РЫЦАРИ И ЕЩЕ 60 ИСТОРИЙ
ВИКТОР ДРАГУНСКИЙ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ КАПИТАНА ВРУНГЕЛЯ
АНДРЕЙ НЕКРАСОВ

Две новые книги замечательной серии комментированных изданий советской детской классики. Как ни странно, «Денискины рассказы» не издавались в авторской версии с 1972 года. Том, составленный основателем серии Ильей Бернштейном, сыном писателя Денисом Драгунским и филологом Ольгой Михайловой, включает также биографический очерк, статьи, помещающие рассказы Драгунского в большой контекст оттепельной культуры, и объемный реальный комментарий. Вторая книга в каком-то смысле даже более любопытна. Если Драгунский до сих пор остается автором популярным, то «Приключения капитана Врунгеля» больше известны по мультипликационной экранизации, чем в изначальном тексте Андрея Некрасова. Теперь этот памятник советской культуры 1930-х годов извлекают из забвения и подробно комментируют филологи Олег Лекманов и Роман Лейбов.

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ПРОЕКТ «А И Б»

ДЕВОЧКИ
ЭММА КЛАЙН
ПЕРЕВОД:
АНАСТАСИЯ ЗАВОЗОВА

Главный переводной хит этой осени. Дебютный роман двадцатипятилетней американки Эммы Клайн стал сенсацией, переведен на 35 языков, вот-вот начнут снимать экранизацию. «Девочки» — беллетризованная версия истории секты Чарльза Мэнсона, с оргиями, убийствами и крушением хипповской утопии. Героиня, 14-летняя Эвелин из буржуазной, но несчастливой калифорнийской семьи, попадает в круг харизматического гуру по имени Рассел. Члены секты совсем не похожи на привычных ей безразличных обывателей, они любят и интересуются друг другом. Закончится все, разумеется, ужасно. Впрочем, главное в романе не разоблачение тоталитарных сект и не шокирующие сексуальные сцены. Книгу Клайн превозносят прежде всего за очень тонкий анализ женской чувствительности.

ФАНТОМ ПРЕСС

САТАНИНСКОЕ ТАНГО
ЛАСЛО КРАСНОХАРКАИ
ПЕРЕВОД:
ВЯЧЕСЛАВ СЕРЕДА

Венгерский писатель Ласло Краснохоркаи известен, прежде всего, как поставщик материала для фильмов великого мизантропа Белы Тарра. «Сатанинское танго» — первый, помимо пары небольших рассказов, переведенный на русский его текст. Это дебютный роман Краснохоркаи 1985 года, по которому собственно и снят тарровский опус магнум. Сам роман, описывающий два дня из бесконечно развивающегося существования обитателей медленно разваливающегося колхоза в социалистической Венгрии, устроен как чудовищный танец, ритмическое пьяное кружение вокруг всепроникающего отчаяния. Приступать к «Сатанинскому танго» может быть страшновато, но, в отличие от бесчеловечно угрюмых фильмов Тарра, в прозе Краснохоркаи есть определенная макабрическая ирония.

CORPUS

Борис Лурье
ДОМ АНИТЫ
KOLONNA PUBLICATIONS
ДОМ АНИТЫ
БОРИС ЛУРЬЕ
Большинство родных молодого рижского еврея Бориса Лурье погибли в самом начале нацистской оккупации, сам он оказался в Бухенвальде, но чудом выжил, и в конце 1940-х уехал в Нью-Йорк, где стал удивительным художником, основателем движения NO!art, мрачной и грязной альтернативы коммерческому поп-арту. Главными темами и красивых и страшных коллажей Лурье были порнография и Холокост (так что критики называют его иногда де Садом выглядит еще радикальнее его искусства. Написанный в 1960-х роман «Дом Аниты» был опубликован только в 2010 году, уже после смерти художника. Это история базирующегося на Манхэттене сексуального концлагеря, с пытками, оргиями, чудовищными пародиями на феминизм и другие освободительные идеологии, венчающаяся вводом советских танков в Нью-Йорк.
ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНСТИТУТА ГАЙДАРА
ШЕЙЛА ФИЦПАТРИК
РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ
РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ
РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ
ШЕЙЛА ФИЦПАТРИК
ПЕРЕВОД: НИКОЛАЙ ЭДЕЛЬМАН
К столетию событий октября 1917 года выходят десятки, если не сотни книг, но эта — из самых главных. Классический труд историка Шейлы Фицпатрик впервые вышел в 1982 году и стал, по сути, первым исследованием русских революционных событий на Западе, написанным не в пропагандистском ключе. Затем — с рассекречиванием до того недоступных источников — Фицпатрик книгу несколько раз переработала. Хронология ее не ограничивается событиями 1917-го. Революция в описании Фицпатрик — большое событие радикального преобразования общества, простирающееся до тоталитарного поворота 1930-х. Настолько емких и сжатых исследований русской революции нет не только по-английски, но и по-русски. Ее перевод — восполнение важнейшего пробела.
АЛЬПИНА ПАБЛИШЕР
ИМПЕРИЯ ДОЛЖНА УМЕРЕТЬ
ИМПЕРИЯ ДОЛЖНА УМЕРЕТЬ
МИХАИЛ ЗЫГАРЬ
Самую монументальную книгу о революционному юбилею написал, как ни странно, не профессиональный историк, а журналист. Год назад Михаил Зыгарь, бывший главный редактор «Дождя», автор бестселлера «Вся кремлевская рать», запустил «Проект 1917» — сайт, на котором хроника событий революционного года была устроена как система блогов. «Империя должна умереть» сделана схожим образом. Том, охватывающий события от рубежа веков до собственно 1917-го, написан исключительно на основе дневников и мемуаров, прямых свидетельств участников событий. Автор обращается со своими героями как с современниками, настойчиво показывая: они мыслят и чувствуют так же, как мы, мучаются теми же вопросами, испытывают те же иллюзии. События столетней давности Зыгарь использует как грандиозную метафору современных проблем России.
ЭКСМО
ЧАЙНА МЬЕВИЛЬ
ОКТЯБРЬ
fanzon
ОКТЯБРЬ
ЧАЙНА МЬЕВИЛЬ
ПЕРЕВОД: А. МОВЧАН, В. ФЕДЮШИН И Т. БЕЛЯКОВА
Еще одна книга о русской революции, написанная не историком-профессионалом, но оттого не менее интересная. Британец Чайна Мьевиль — создатель странных и жутковатых стимпанковых миров, один из немногих современных фантастов, которых знают не только любители жанра. Но, помимо того, он — известный активист, бывший член британской Компартии и создатель движения «Левое единство». Его история Октября сильно отличается и от установки Фицпатрик на объективность, и от журналистской иронии Зыгаря. Мьевиль смотрит на русскую революцию из другого времени, другой культуры, но тем не менее он предельно пристрастен. Это не чужая, а его история. В этом смысле «Октябрь», может быть, и не самое научное исследование, но эта книга показывает, как можно сейчас писать о русской революции, будучи искренне захваченным ее освободительным пафосом.

#1917. СЕМНАДЦАТЬ ОЧЕРКОВ ПО ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

БОРИС КОЛОНИЦКИЙ

Еще одно издание к революционному юбилею. Если книги Фицпатрик, Зыгаря и Мьевиля — способ восстановить в памяти или переосмыслить общую канву революционных событий, то Борис Колоницкий, один из самых заметных специалистов по русской истории начала прошлого века, предлагает взглянуть на отдельные вопросы, увлекательные частности. В его книге — 17 небольших эссе, изящно оформленных большим количеством фотографий и прочего изобразительного материала. Прежде всего Колоницкого интересуют события, которые стали своего рода революционными мемами, запоминающимися картинками, но были, естественно, чем-то более сложным: от убийства Распутина до разгона Учредительного собрания.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЕВРОПЕЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

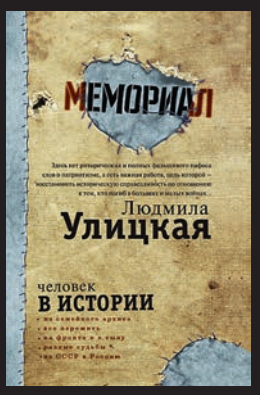
РЕВОЛЮЦИЯ ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА: ДНЕВНИКИ СТАЛИНСКОЙ ЭПОХИ

ЙОХЕН ХЕЛЛЬБЕК

ПЕРЕВОД:
С. ЧАЧКО

Хотя и посвященное более частным проблемам, исследование историка Йохена Хелльбека — книга не менее важная, чем монография Фицпатрик. Вышедшая в 2006 году «Революция от первого лица» во многом определила развитие западной науки о советской истории последнего десятилетия. Хелльбек придумал, как уйти от исчерпавших себя моделей разоблачения тоталитаризма, не впадая в апологетику сталинизма. Его идея: формовка нового человека проходила не только сверху — через официальный дискурс, газеты, приказы, книги, но и снизу — через попытки использовать этот язык в опытах частного письма. Материал — дневники 1920–1930-х годов. Но интересуют Хелльбека не реалии эпохи. Дневники для него — свидетельства работы авторов над собственной душой, попытки освоения новой идеологии, превращения самих себя в протагонистов новой революционной истории.

НЛО



ЧЕЛОВЕК В ИСТОРИИ

Сборник, подготовленный обществом «Мемориал», представляет победителей ежегодного конкурса «Человек в истории». Хотя на обложке стоят имена написавших предисловия Людмилы Улицкой и Льва Рубинштейна, главные авторы книги — старшеклассники из регионов России. Сборник этот представляет ряд опытов в микроистории — попыток представить катастрофические события русского XX века через частные судьбы: родственников, односельчан, просто неизвестных, чьи письма или могилы случайно оказались в поле зрения авторов. Хронология — от потрясений начала века до хаоса ранних 1990-х, через революцию, коллективизацию, репрессии, войну. Это, конечно, ученические работы (хотя и очень интересные по материалу), но среди них есть пара выдающихся текстов, в которых опыт раскапывания никому не известного и не интересного прошлого становится материалом настоящей трагической литературы.

АСТ; АНГЕДОНИЯ

МОГИЛА ЛЕНИНА. ПОСЛЕДНИЕ ДНИ СОВЕТСКОЙ ИМПЕРИИ

ДЭВИД РЕМНИК

ПЕРЕВОД:
ЛЕВ ОБОРИН

Еще одна знаменитая американская книга о России, с опозданием переведенная на русский язык. За вышедшую в 1993 году «Могилу Ленина» Дэвид Ремник (в конце 1980-х — московский корреспондент The Washington Post, впоследствии — главный редактор The New Yorker) получил Пулитцеровскую премию. Это рассказ о последних годах СССР — подробнейший репортаж из распадающейся и перерождающейся на глазах страны. Герои Ремника — не столько политики, те, кто находятся на виду, сколько «простые люди», рядовые оппозиционеры и функционеры, московские друзья автора и просто собеседники на митингах и улицах. «Могиле Ленина» присуща определенная выспренность американской литературной журналистики: наблюдаемые события автор стремится сделать слишком похожими на роман. Но для того, чтобы понять, как мир воспринимал перемены в постсоветской России, это один из самых важных текстов.

CORPUS

КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА. СЕМЬ ИСТОРИЙ

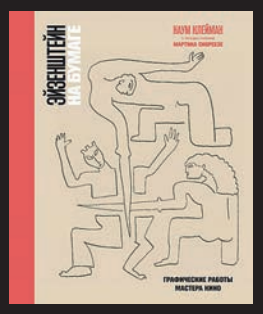
АМИРАН УРУШАДЗЕ

ЗАКЛЯТЫЕ ДРУЗЬЯ. ИСТОРИЯ МНЕНИЙ, ФАНТАЗИЙ, КОНТАКТОВ, ВЗАИМО(НЕ)ПОНИМАНИЯ РОССИИ И США

ИВАН КУРИЛЛА

Новая серия издательства НЛО заполняет важнейшую нишу. Это книги о главных вопросах и проблемах русской истории последних веков, написанные ведущими специалистами, но как бы на «человеческом уровне» — не требующем глубокой погруженности в тему, но и не упрощающем сюжеты до школьной одномерности. «Петр Первый» Евгения Анисимова устроен как диалог сторонника и противника петровских реформ, обсуждающих, благом или злом была российская европеизация. Предмет «Хозяина земли русской?» Кирилла Соловьева — отношения самодержавной власти монарха и триумфа бюрократии на исходе существования Российской Империи. «Французы полезные и вредные» посвящена проблеме более частной — надзору за иностранцами при Николае I, зато ее написала Вера Мильчина, один из лучших авторов гуманитарного нон-фикшена в России. К ярмарке выходят еще две книги. У «Кавказской войны» Амирана Урушадзе — подзаголовок «Семь историй»: тут семь протагонистов (горец, казак, царь и пр.), семь версий начала многовекового конфликта между Россией и ее горными соседями. «Заклятые друзья» Ивана Кириллы — единственная книга, чей сюжет доходит до недавних времен. Подход Кириллы к истории отношений России и США отличается от привычного: его интересует не столько вражда и соперничество, сколько сотрудничество, история влияний и взаимоотражений.

НЛО



ЭЙЗЕНШТЕЙН НА БУМАГЕ. ГРАФИЧЕСКИЕ РАБОТЫ МАСТЕРА КИНО

НАУМ КЛЕЙМАН

Великолепный альбом избранных рисунков великого советского режиссера сначала вышел в Англии, а спустя несколько месяцев — у нас. Этим объясняется и предисловие Мартина Скорсезе, и общий акцент на представлении феномена Эйзенштейна-рисовальщика как некоей странности. Помимо визуальной части, тут — подробные комментарии Наума Клеймана, главного в нашем киноведении специалиста по Эйзенштейну. Клеймановский текст позволяет проследить всю биографию режиссера через теневую сторону его деятельности. Рисование было для Эйзенштейна не только забавой, но и, как сам он писал, способом выявить «генетический код творческого процесса». Тут есть и веселые детские картинки, и эскизы к мейерхольдовским спектаклям, и знаменитые религиозно-эротические зарисовки из мексиканской поездки, и шаржи на друзей, и поздняя, почти абстрактная графика, как бы уравновешивающая героический стиль последних картин.

AD MARGINEM — МСИ «ГАРАЖ»

ПОЭТИКА. БИОКОСМИЗМ. (А)ТЕОЛОГИЯ

СВЯТОГОР

Вероятно, самый диковинный из раскопанных в последнее время артефактов русского авангарда. Александр Агиенко, опубликовавший большую часть своих текстов под псевдонимом Святогор,— вдохновенный шарлатан, шатавшийся между городами, идеологиями и занятиями. Сначала — поэт-нигилист умеренно футуристического толка, активный участник анархического движения, изобретатель грандиозной идеологии биокосмизма, основатель обновленческой «Свободной трудовой церкви», а через несколько лет — страстный борец за пролетарский атеизм. Впервые собранное и прокомментированное философом Евгением Кучиновым наследие Святогора — неплохая пара к рассказам Пепперштейна. Бредовый драйв его текстов, на разный лад возвещающих Вулканический Октябрь, впечатляет не меньше самых диких галлюциногенных фантазий.

COMMON PLACE

ОЛЬГА БЕРГГОЛЬЦ: СМЕРТИ НЕ БЫЛО И НЕТ

НАТАЛЬЯ ГРОМОВА

Канонизированный советский классик, официальный рупор блокадного героизма, Ольга Берггольц надолго отошла на второй план истории литературы, но в последнее десятилетие вновь стала объектом пристального интереса из-за постепенной публикации трагических и откровенных дневников — возможно, главного из всего ею написанного. Именно материалы дневников лежат в основе этого нового жизнеописания поэта. «Смерти не было и нет» — биография вполне классического жээзэловского формата, хотя качество текста тут, конечно, гораздо выше, чем в рядовых книгах этого жанра. Ее автор — филолог Наталья Громова, специалист по истории советской литературы. В центре внимания Громовой всегда были прежде всего сложные писательские судьбы, драматические встречи и расставания, и в этом смысле Берггольц — крайне удачный объект.

АСТ; РЕДАКЦИЯ ЕЛЕНЫ ШУБИНОЙ

ПЕРЕПИСКА

ВАСИЛИЙ КАНДИНСКИЙ, АРНОЛЬД ШЁНБЕРГ

ПЕРЕВОД: АЛЕКСАНДР ЯРИН

Небольшая книжка, в которой собраны все сохранившиеся письма изобретателя абстрактной живописи и создателя додекафонии. Переписка начинается в 1911 году: русский художник посещает исполнение шенберговского струнного квартета, видит в его музыке ту новую организацию, которую изо всех сил сам ищет в искусстве, и пишет незнакомому композитору восторженное письмо. Обмен любезностями перерастает в приятельство, оно длится больше 10 лет и обрывается в середине 20-х. Потом Кандинский пишет последнее письмо другу в 1936-м, когда и межвоенной богемной Германии уже не существует, и Шенберг давно за океаном. Эти письма не то чтобы проливают новый свет на рождение модернистского искусства. Скорее они читаются как маленькая изысканная повесть об артистическом товариществе, в которой тайны искусства стоят в одном предложении с жалобами на инфлюэнцу.

GRUNDRISSE

ТРАНСАТЛАНТИЧЕСКИЙ АВАНГАРД. АНГЛО-АМЕРИКАНСКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ДВИЖЕНИЯ (1910–1940)

СОСТАВЛЕНИЕ И ПЕРЕВОД: ВЛАДИМИР ФЕЩЕНКО

В отличие от французских и немецких, англоязычные авангардистские движения оказались как бы не совсем признанными в истории культуры. До сих пор остается предметом споров, существовал ли вообще английский авангард — то есть целостное движение, настроенное одновременно на эстетический радикализм и социальный эксперимент. Тем более малоизвестной эта страница остается в русской культуре с ее тесными связями с парижской и берлинской сценой. Этот том, подготовленный филологом Владимиром Фещенко, в какой-то мере исправляет положение, представляя историю главных экспериментальных художественных объединений, связывавших в единый узел художественную жизнь Лондона, Нью-Йорка и англоязычной диаспоры Парижа. Среди героев и авторов — Гертруда Стайн, Эзра Паунд и Э.Э. Каммингс, но также ряд важных фигур, русскому читателю практически незнакомых.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЕВРОПЕЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Реклама. Сертификат эксплуатанта №1 от 17.11.2011.

АЭРОФЛОТ
Российские авиалинии
SKYTEAM

Класс Бизнес

на современных авиалайнерах Boeing 777-300ER, Airbus A330

Класс Бизнес от Аэрофлота — это максимальный уровень комфорта с самого начала путешествия и индивидуальный сервис по всему маршруту.

- Максимальная норма бесплатного провоза багажа — 2 места по 32 кг*
- 153–193 см — расстояние между рядами**
- Современная бортовая система развлечений
- Питание и напитки подаются в стеклянной и фарфоровой посуде с металлическими столовыми приборами
- Привилегии по программе SkyPriority

2017 TRAVELLERS' CHOICE tripadvisor — ЛУЧШИЙ БИЗНЕС-КЛАСС В 2017 ГОДУ

4 STAR AIRLINE SKYTRAX — THE WORLD`S 4-STAR AIRLINE
Авиакомпания «4 звезды» Скайтракс

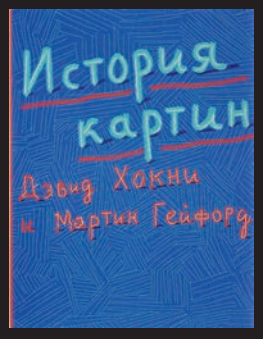
BF Brand Finance — САМЫЙ СИЛЬНЫЙ РОССИЙСКИЙ БРЕНД
Согласно рейтингу Бренд Финанс 2017

Звонок по России бесплатный
8 (800) 444-5555
*555 (МТС, Билайн, Мегафон)
www.aeroflot.ru

Установите приложение:

Загрузите в App Store
ДОСТУПНО В Google Play
Скачать у Microsoft

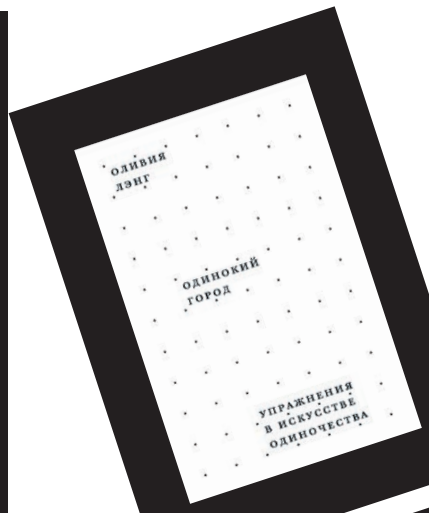
** Норма провоза багажа может меняться в зависимости от маршрута полета.*
*** В зависимости от типа самолета.*



ИСТОРИЯ КАРТИН
ДЭВИД ХОКНИ, МАРТИН ГЕЙФОРД
ПЕРЕВОД:
АЛЕКСЕЙ ШЕСТАКОВ

Дэвид Хокни — едва ли не самый признанный из действующих живописцев, художников, которые до сих пор пишут картины. В прошлом году восьмидесятилетний британец выпустил книгу диалогов с арт-критиком Мартином Гейфордом, собственно картинам и посвященную. Хокни не обороняется от других медиумов. Наоборот, картины в его представлении — это любые изображения трехмерного мира на плоскости: от пещерных стен до экранов смартфонов. Технические средства не поставили живопись под угрозу, они лишь расширили сферу ее действия. Диалоги Хокни и Гейфорда — не последовательная история. Тут метод предельно свободных ассоциаций: от Голливуда к средневековой Японии, от ренессансных классиков до старых друзей. Книги такого рода часто сложны в обращении: произведения, что находятся перед глазами у собеседников, читатель вынужден выуживать из памяти. Но «История картин» Хокни — Гейфорда от этого недостатка избавлена. Она — еще и красивейший альбом.

AD MARGINEM — МСИ «ГАРАЖ»»



ОДИНОКИЙ ГОРОД. УПРАЖНЕНИЯ В ИСКУССТВЕ ОДИНОЧЕСТВА
ОЛИВИЯ ЛЭНГ
ПЕРЕВОД:
ШАША МАРТЫНОВА

Книга журналистки Оливии Лэнг — опыт своего рода интимной арт-критики. Несколько лет назад британка Лэнг переехала в Нью-Йорк из-за любовной истории, но внезапно оказалась там абсолютно одна. Многомесячное пребывание в чужом городе заставило ее задуматься о разных способах и причинах быть одному. Лэнг ищет компаньонов по одиночеству — и находит их среди американских художников. Ее главные герои: Энди Уорхол, Эдвард Хоппер, Генри Дарджер и фотограф Дэвид Войнарович. А также Билли Холидэй, Нан Голдин, Клаус Номи, Валери Соланас и другие культовые фигуры американской богемы, каждый из которых по-своему был одинок в большом городе — несмотря на поклонников, бурную сексуальную жизнь, славу, борьбу и другие социальные радости. С точки зрения анализа искусства или мыслей об обществе книга Лэнг может показаться немного наивной, но зато это живая и личная проза.

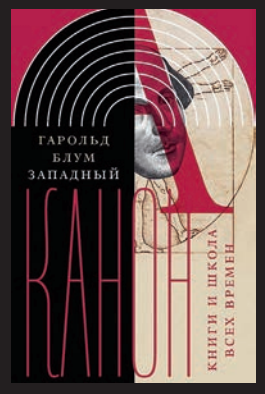
AD MARGINEM — МСИ «ГАРАЖ»

ХРОМА. КНИГА О ЦВЕТЕ
ДЕРЕК ДЖАРМЕН

ДЕРЕК ДЖАРМЕН
МАЙКЛ ЧАРЛСВОРТ
ПЕРЕВОД:
АННА АНДРОНОВА

Сразу две книги, связанные с именем гениального британского квир-авангардиста. «Хрома» — размышления о цвете, написанные уже практически слепым, умирающим от СПИДа Джарменом в 1993 году, одновременно с главными философскими фильмами режиссера — «Витгенштейном» и «Синим» (следы работы над которыми тут отчетливо чувствуются). Это одновременно феноменологическое эссе, интеллектуальная автобиография и книга-прощание. Биография Джармена авторства искусствоведа Майкла Чарлсворта — напротив, очень вежливая, отстраненная. Ее тон немного диссонирует со страстью джарменовского искусства, но зато позволяет Чарлсворту уклониться от привычных маршрутов разговора, рассказать о тех фрагментах деятельности Джармена, что обычно остаются за кадром. Забавный момент: Чарлсворт, помимо прочего, специалист по садоводству — и знаменитый сад режиссера тут становится одним из главных героев.

AD MARGINEM — МСИ «ГАРАЖ»



ЗАПАДНЫЙ КАНОН. КНИГИ И ШКОЛА ВСЕХ ВРЕМЕН
ГАРОЛЬД БЛУМ
ПЕРЕВОД:
ДМИТРИЙ ХАРИТОНОВ

Выпустив этот монументальный том в 1994 году, известный американский литературовед Гарольд Блум стал почти скандальной звездой. Он начал одиночную войну против всей западной критической мысли — марксизма, постмодернизма, фрейдизма и других сил, пытающихся переписать историю искусства. Цель Блума — доказать, что канон западной литературной традиции не результат работы тех или иных социальных сил, борьбы за власть и прочих низменных факторов, а объективные вершины мирового духа, образцы прекрасного как такового. Другое дело, что, в отличие от большинства приверженцев подобной консервативной позиции, Блум и правда большой ученый — и сопровождает свою проповедь интереснейшим анализом. Его книга построена как путешествие по образам литературного величия — от Данте до Беккета. В центре канона возвышается Шекспир — гарант самой возможности западного искусства, патрон и мучитель всех великих писателей.

НЛО

РОЖДЕНИЕ И СМЕРТЬ ПОХОРОННОЙ ИНДУСТРИИ: ОТ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПОГОСТОВ ДО ЦИФРОВОГО БЕССМЕРТИЯ

СЕРГЕЙ МОХОВ

Создатель журнала «Археология русской смерти» социолог Сергей Мохов — один из людей, сделавших в последние годы похороны активно обсуждаемой в СМИ темой. Главный предмет его книги — не столько отношение к смерти в культуре, сколько похоронная индустрия, как формулирует это сам Мохов — «инфраструктура смерти», то есть те институции, с которыми сталкиваются мертвый человек и его близкие. Тут — большой очерк европейской истории похорон: их эволюция из области церковной жизни в своего рода мрачную область капиталистического потребления. Но самая интересная часть, разумеется, посвящена России. Прежде всего — бюрократическим приключениям, хождениям по мукам, с которыми неразрывно оказалась связана в последние десятилетия русская смерть.

COMMON PLACE

ИММАТЕРИАЛИЗМ: ОБЪЕКТЫ И СОЦИАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ

ГРЭМ ХАРМАН

ПЕРЕВОД: АЛЕКСАНДР ПИСАРЕВ

За последние годы из довольно маргинального явления дегуманизирующая мысль, изгоняющая человека из центра мира, стала предметом интеллектуальной моды. Живущий в Каире американский философ Грэм Харман — один их самых влиятельных авторов этого направления, и его небольшая книжка может служить введением во всю объектно-ориентированную философию. Книга эта полемична. Большинство коллег Хармана позиционируют себя как новые материалисты, но для него объекты — совсем не обязательно физические тела. Человек, вошь, камень, шторм, выдуманное существо, город, абстрактное понятие или эмоция имеют в его теории одинаковый статус. Самое обаятельное в «Имматериализме» — то, что свои концепции Харман разворачивает на примере истории Ост-Индской компании с флотилиями, эпидемиями и пряностями. Так вроде бы бесчеловечная его философия приобретает отчетливо романтический оттенок.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНСТИТУТА ГАЙДАРА

ЗАПИСКИ ПРИМАТА. НЕОБЫЧАЙНАЯ ЖИЗНЬ УЧЕНОГО СРЕДИ ПАВИАНОВ

РОБЕРТ САПОЛЬСКИ

ПЕРЕВОД: ИРИНА МАЙГУРОВА, МАРИЯ ДЕСЯТОВА

Роберт Сапольски — американский биолог, специалист по стрессовому поведению обезьян. Вышедшие по-английски в 2001 году «Записки примата» — его самая известная и необычно человечная для научно-популярной литературы книга. Это мемуары: рассказ о восьми годах, на протяжении которых Сапольски вновь и вновь посещал стадо павианов из одного кенийского заповедника. При этом ученого интересует не столько общее, сколько частное — личные истории каждой из обезьян. Сапольски дает своим героям ветхозаветные имена: Соломон, Исаак, Лия, Руфь и пр. Их драмы в его описании поднимаются тоже почти до уровня библейских страстей. Параллельно с обезьяньими историями разворачиваются человеческие — работников заповедника, ученых, знакомых автора. Законы у тех и других не так сильно отличаются.

АЛЬПИНА НОН-ФИКШН

СОЛНЕЧНОЕ ВЕЩЕСТВО

МАТВЕЙ БРОНШТЕЙН

В этой книге происходит встреча физики, литературы и политики. Репрессированный в 1937 году Матвей Бронштейн был одним из самых перспективных специалистов по квантовой физике в СССР. Серьезных работ он напечатать почти не успел, зато опубликовал ряд научно-популярных повестей, сильно повлиявших на все мышление советских ученых следующих поколений. Три из них — собственно «Солнечное вещество» про открытие гелия, «Лучи икс» про рентген и «Изобретатели радиотелеграфа» — перепечатаны в этом сборнике. Вторую его часть занимает история самого Бронштейна, его научного взлета, романа с Лидией Чуковской (под влиянием которой физик и превратился в писателя), процесса и судьбы бронштейновского наследия. Этот масштаб действия — между Солнцем и Лубянкой — делает книгу необычной.

CORPUS

КОРМИЛЬЦЕВ. КОСМОС КАК ВОСПОМИНАНИЕ

АЛЕКСАНДР КУШНИР

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ИЛЬЯ КОРМИЛЬЦЕВ

Фигуры вроде Ильи Кормильцева редко становятся объектами культа. Он был из тех, кто остается в тени: автор текстов к песням своих знаменитых друзей, переводчик, издатель, интеллектуал — вдохновитель неформалов, пропагандист контркультуры. Тем не менее эта активность на заднем плане сделала его образцом смелости и веселья более убедительным, чем многие его более заметные знакомые. Кормильцев умер десять лет назад. Сейчас, к годовщине, вышли два издания. Первое — биография, написанная журналистом Александром Кушниром. Это специальный жанр: жизнеописание приятеля, в котором байки и компанейские шуточки занимают столько же места, сколько факты. Второе — трехтомное собрание самого Кормильцева, включающее песни и стихи, рассказы и пьесы, критические и политические эссе, а также огромную подборку интервью.

РИПОЛ-КЛАССИК

ИЛЛЮМИНАТОР — КАБИНЕТНЫЙ УЧЕНЫЙ

ДОКТОР ЛИЗА ГЛИНКА. Я ВСЕГДА НА СТОРОНЕ СЛАБОГО

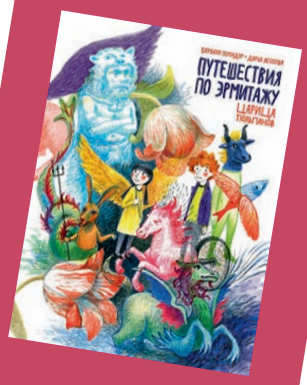
Елизавета Глинка, она же Доктор Лиза,— врач и филантроп, создавшая сеть помощи всем нуждающимся: бомжам, сиротам, умирающим одиноким старикам. Год назад Глинка погибла в авиакатастрофе, и эта книга — в большой степени мемориальное предприятие. Здесь — воспоминания близких, несколько интервью, но основную часть составляют маленькие заметки из «Живого журнала», посвященные подопечным Доктора Лизы. Что не так часто бывает с людьми, посвящающими себя благотворительности, Глинка обладала не только поразительным чувством справедливости, но и чувством стиля. В ее записях — никакого пафоса и никакой слащавости. Они лаконичные, трогательные, ироничные, местами даже смешные — и, конечно, очень болезненные, но не так, чтобы вызвать у читателя стыд за собственное благополучие, а так, чтобы дать почувствовать: боль рядом — и она настоящая.

АСТ; РЕДАКЦИЯ ЕЛЕНЫ ШУБИНОЙ

МЫШИ ЕГО СИЯТЕЛЬСТВА
МАЙКЛ БОНД
ИЛЛЮСТРАЦИИ:
ЭМИЛИ САТТОН
ПЕРЕВОД:
МАРИНА БОРОДИЦКАЯ

Мышки в кукольных домиках — один из любимых сюжетов детской литературы, вспомнить хотя бы «Мышкин дом» Карины Схапман, в интерьерах и деталях которого был подробно воссоздан голландский быт ее детства. У Майкла Бонда, который широкому читателю известен как создатель мишки Паддингтона, мышиное семейство Пикс живет в настоящем кукольном доме. Этот дом стоит в родовом замке у английского графа и имеет реальный прототип — кукольный домик, подаренный королеве Марии более ста лет назад: с водопроводом, электричеством и даже с буковками в маленьких книжках на крошечных полках. В таком домике мыши становятся хранителями традиций: костюмы и интерьеры здесь, конечно же, абсолютно безупречны, а манеры выше всяких похвал.

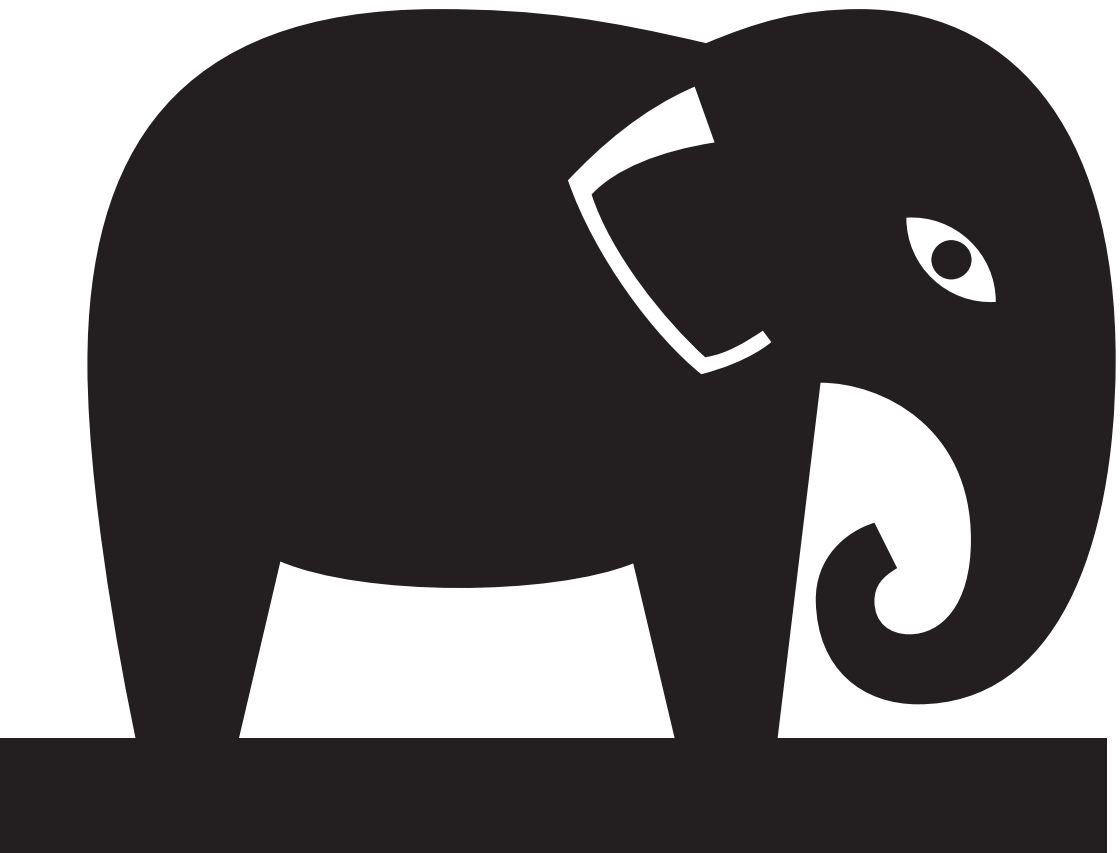
РОСМЭН

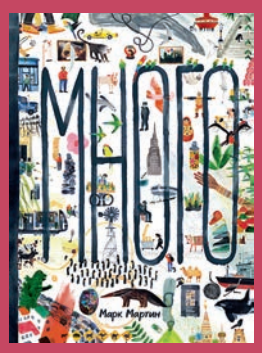


ПУТЕШЕСТВИЯ ПО ЭРМИТАЖУ. ЦАРИЦА ТЮЛЬПАНОВ
ВАРВАРА ПОМИДОР, ДАРЬЯ АГАПОВА

Двое подростков — серьезный мечтатель по имени Ваня и художница-фантазерка Тася — встречаются в зале Эрмитажа, посвященном Рембрандту. Их объединяет не только способность витать в облаках — оба они умеют разговаривать с произведениями искусства, и сошедший с картины Рембрандт рассказывает им историю своей любви к Саскии, заодно объясняя, почему Голландия — царица морей и тюльпанов. Оживающие картины мы, может, уже и видели, но такие родные, такие понятные дети встречаются редко: уже на первых страницах Ваня решает, в какой зал ему пойти, сложив цифры на автобусном билетике, а Тася сообщает кариатидам, что в детстве считала их сестрами-близняшками Кари и Атидой. Искать прибежища в Эрмитаже — это, конечно, очень по-петербуржски, но именно чувство, что искусство и история — это не скучная материя, а бесконечный источник удивления, делает книгу чем-то гораздо большим, чем просто музейный путеводитель.

АРКА

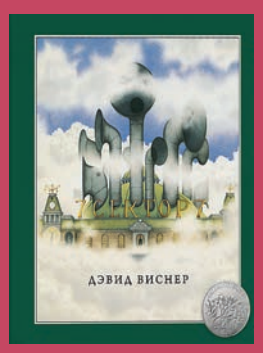




МНОГО
МАРК МАРТИН
ПЕРЕВОД:
АЛИНА КУРЫШЕВА

Головокружительное кругосветное путешествие от австралийского художника Марка Мартина: он закидывает читателя в Гонконг и вымащивает страницу рекламными вывесками, усеивает Антарктиду множеством точек-пингвинов или грузовыми контейнерами, Токио — торговыми автоматами, Нью-Дели — рикшами, Москву — миллиардерами. Книга Мартина хороша не только потому, что здесь много всего, но и потому, что здесь много того, что обычно в детские книги не попадает: например, московский набор из богачей, бродячих собак, памятников и церквей, станций метро и полицейских кажется неуютно приближенным к тому, как мы сами представляем этот город. Каирские пробки, кальяны и кошки, нью-йоркские такси, пожарные гидранты и кофейные стаканчики, финальным аккордом — карта мира, усеянная ночными огнями; книга о занимательном мусоре.

САМОКАТ



СЕКТОР 7
ДЭВИД ВИСНЕР

Не будет преувеличением назвать Дэвида Виснера в пятерке главных американских художников для детей. Это он одним из первых решил, что детским книжкам лучше без слов, и его графические истории — это путешествия с превращениями, которым слова вообще не нужны. В «Секторе 7» мальчик на смотровой площадке встречает маленькое облачко, и это становится началом большой дружбы — облачко уносит друга на облачный вокзал, где тот придумывает облакам новые формы. Книга Виснера, классика и лауреат премии Кальдекотта 1999-го,— это прежде всего призыв к фантазии, к тому, чтобы выходить за все границы, к свободе, наконец. И еще это правда очень красиво.

МИФ

ДНЕВНИКИ ВИШЕНКИ. КАМЕННЫЙ ЗООПАРК
ЖОРИС ШАМБЛЕН, ОРЕЛИ НЕЙРЕ
ПЕРЕВОД:
МИХАИЛ ХАЧАТУРОВ

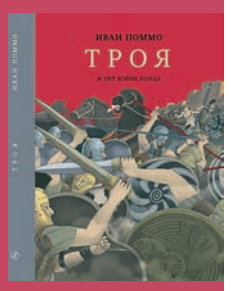
Французская серия графических историй для школьников, получившая приз на фестивале комиксов в Ангулеме. Десятилетняя Вишенка мечтает стать писателем и заводит дневник, чтобы записывать свои наблюдения. Постепенно история в итоге превращается в детектив, а дневник — в журнал расследований. Сюжет не самый захватывающий, но рисунки замечательно просты, а все вместе оказывается книгой про свободу и силу фантазии: в результате своих расследований девочка встречает художника, расписывающего фрески на стенах вольеров бывшего зоопарка, и помогает ему открыть новый парк, теперь уже не с животными, а с его картинами.

МИФ

КНИГА ХОЛОДА, ЛЬДА И СНЕГА
ЕКАТЕРИНА СТЕПАНЕНКО
ИЛЛЮСТРАЦИИ:
ПОЛЯ ПЛАВИНСКАЯ

Разнообразные факты обо всем холодном и зимнем организованы здесь по алфавиту: вертеп соседствует с вьюгой и варежками, Рождество — с Рагнарёком. Авторы объясняют свою идею во вступлении: рассмотреть предмет комплексно, энциклопедично, со всех сторон. Ведь холод и снег — понятия настолько общие, что к ним можно, в принципе, притянуть за уши все что угодно. Гораздо интереснее читать книгу просто как собрание удивительных фактов, ярких картинок и занимательных историй: как придумали первого щелкунчика, как правильно томить щи, как суеверие римлян повлияло на наш современный календарь и как пуритане привезли в Новый Свет святого Николая, впоследствии получившего известность как Санта-Клаус.

ПЕШКОМ В ИСТОРИЮ



ОДИССЕЙ, ХИТРОУМНЫЙ ГЕРОЙ
ИВАН ПОММО

ТРОЯ. И НЕТ ВОЙНЕ КОНЦА
ИВАН ПОММО
ПЕРЕВОД:
МИХАИЛ ХАЧАТУРОВ

Французский художник и иллюстратор Иван Поммо очень любит историю, и его пересказы «Илиады» и «Одиссеи», открывающиеся портретом самого автора, рассказывающего истории детям,— дань этой любви, ну и, конечно, древнегреческой традиции устного рассказа. Никаких фантазий и отступлений от текста: история здесь рассказана и нарисована всерьез. Главной целью автора было дать древним героям лица, нарисовать всех воинов и героев, увидеть старую историю так, как будто это история новая.

САМОКАТ

КАК ГРУША ПОПАДАЕТ В МОЗГ
ИЛЬЯ КОЛМАНОВСКИЙ
ИЛЛЮСТРАЦИИ:
ИНГА ХРИСТИЧ

Кратко, но по делу: Илья Колмановский объясняет, как еда, попадая в желудок, кормит мозг: почему мозг предпочитает сладкую пищу, почему мы едим острое, чем желудочная желчь похожа на жидкость для мытья посуды и как скоро во рту начнут расти искусственные зубы. Но это не собрание интересных фактов, скорее — простое объяснение важных процессов, ответ на вопрос, почему важно правильно и полезно питаться и пробовать разные вкусы. В финале читателям предлагается эксперимент, который поможет превратить любую привереду в маленького гурмана: предлагается взять гречку и поочередно добавлять к ней всякие интересные вещи вроде соевого соуса, мяты, лимонного сока или руколы.

РОЗОВЫЙ ЖИРАФ

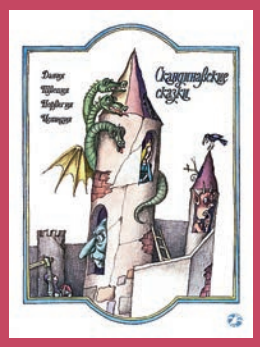
ЧУДО — ТЫ И ТРИЛЛИОНЫ ТВОИХ ЖИЛЬЦОВ

ЯН ПАУЛ СХЮТТЕН

ИЛЛЮСТРАЦИИ:
ФЛООР РИДЕР;
ПЕРЕВОД:
НИНА ФЕДОРОВА

Голландский популяризатор науки Ян Паул Схюттен замечательно умеет говорить понятно, а его книги для детей проникнуты искренним восхищением перед тем, как удивительно в этом мире все устроено: и мироздание в целом, и отдельное его явление под названием «человек». Родиться на свет — настоящее везение, триллионы клеток, из которых состоит наше тело, — самое интересное, что можно изучать в этом мире, а само тело — истинное чудо. Восторженный автор может устроить тут настоящие американские горки, например вдруг завопить «тревога!» и объявить, что тело читателя прямо сейчас атакуют вирусы, уменьшить читателя и послать в путешествие по клетке или отправить его на сто лет назад на кладбище препарировать трупы. Художник Флоор Ридер, проиллюстрировавшая все это остроумными и одновременно изящными картинками, — идеальный соавтор этого ни на что не похожего и страшно познавательного текста.

БЕЛАЯ ВОРОНА



СКАНДИНАВСКИЕ СКАЗКИ

ИЛЛЮСТРАЦИИ:
ВИКТОР ПИВОВАРОВ

Последняя большая работа Виктора Пивоварова для советской детской книги: в том же 1982 году, когда вышли «Скандинавские сказки», он эмигрировал в Прагу — и с тех пор книга не переиздавалась. Это, конечно же, совершенный артефакт, и не просто потому, что Пивоваров был, пожалуй, главным явлением в детской книжной иллюстрации России XX века, художником, который не создавал отдельный детский мир, а тащил в свою иллюстрацию контрабандой все мировое искусство прошлых веков. И «Скандинавские сказки» — это, конечно, про Средневековье, про крошечных странных существ между строк, про чертей и драконов, про тонких и хрупких и неизменно почему-то обнаженных принцесс с золотыми волосами и, конечно же, про ангелов. Пивоваровские странности тут как нигде уместны: его иллюстрации показывают в том числе и то, что причудливый мир сказок, в котором христианство щедро перемешано с язычеством, а другие миры — с острой социальной критикой, требует принципиально другого мировоззрения и изображения.

БЕЛАЯ ВОРОНА

ЗОЛОТО ХРАВНА

МАРИЯ ПАСТЕРНАК

Еще в 2010 году приключенческая сказка художницы Марии Пастернак «Золото Хравна» попала в шорт-лист премии «Новая детская книга», но выходит она только сейчас. Ждать стоило: это крайне душевная и понятная приключенческая сказка о средневековой Норвегии и девочке Вильгельмине, которая дает имена вещам, боится темных еловых теней и слушается папу. Ее привычный мир рушится, когда Вильгельмина теряет отца и дом, зато начинается полный приключений путь, в который она отправляется вместе с другом-резчиком. Редко встретишь книгу с такой ясностью мысли, да и давайте признаемся честно: нам просто не хватает хороших приключенческих историй.

РОЗОВЫЙ ЖИРАФ

ВАШИ ПИСЬМА Я ХРАНЮ ПОД МАТРАСОМ. ПЕРЕПИСКА 1971–2002

АСТРИД ЛИНДГРЕН И САРА ШВАРДТ

ПЕРЕВОД:
ЕКАТЕРИНА ЧЕВКИНА

В 1971 году двенадцатилетняя Сара Юнгкранц пишет письмо своей любимой писательнице Астрид Линдгрен: ругает экранизации ее книг («Томми и Аннику, по-моему, сыграли просто безобразно. Прямо видно, как они выделываются»), корит за новую книгу об Эмиле из Лённеберги («Вы что, забыли, как он выглядит») и просит писательницу помочь ей получить роль в кино — Сара мечтает стать актрисой. И Астрид Линдгрен ей отвечает! Она вообще всегда старалась отвечать на письма детей, но тут переписка вылилась в настоящую дружбу на тридцать лет. Уже с первых страниц очевидно, почему именно Сара стала для Астрид главным эпистолярным другом: в этой очень несчастливой, одинокой, бунтующей девочке-подростке она увидела героиню своих книг. Самое удивительное в этой переписке, впрочем, — абсолютная откровенность как Сары, так и Астрид. Недаром в письмах они обе переживают, как бы переписка не попала в чужие руки. Наблюдать сегодня за этой дружбой, такой открытой и полной уважения, — удивительный подарок.

БЕЛАЯ ВОРОНА

ПЕРЕВЕРНУТОЕ ДЕРЕВО

КРИШАН ЧАНДАР ТЕРЕВИНФ

ИЛЛЮСТРАЦИИ:
ТАТЬЯНА ЛАПОНКИНА
ПЕРЕВОД:
ВЕРА БЫКОВА

Сказка индийского писателя Кришана Чандара была довольно популярна в советское время, несколько раз издавалась и даже стала аудиоспектаклем с замечательными песнями Юрия Энтина. Оно понятно, ведь это краткий учебник капиталистической эксплуатации: тут есть рабы, жадные предприниматели, жестокосердные падишахи, золотые великаны и один сын сапожника Юсуф, который, впрочем, не понимает тяжести положения. Директора киностудии, превращенные в сов за то, что не снимали кино для детей, Алладин на выборах, сулящий избирателям золотые горы и дворцы, волшебная раковина, способная пробудить угнетенных всего мира, — через 50 лет после первой публикации все это кажется еще более понятным и актуальным. В новых иллюстрациях Татьяны Лапонкиной социалистическая сказка органично вписывается в индийскую фольклорную традицию: читайте ее как историю про великанов и волшебников — и будет вам счастье.

РОЗОВЫЙ ЖИРАФ

СОЛОНГО. ТАЙНА ПРОПАВШЕЙ ЭКСПЕДИЦИИ

ЕВГЕНИЙ РУДАШЕВСКИЙ

ИЛЛЮСТРАЦИИ: МАРГАРИТА ЧУЧУЛИНА

Такими словами не бросаются — и все же: Евгений Рудашевский — одно из главных имен в нашей подростковой литературе, а его первая приключенческая повесть — несомненное событие. И пусть мальчик Артем, отправившийся в Саяны с поисковым отрядом искать своего пропавшего дедушку-геолога — его первый искатель приключений, он не первый из его героев, заболевший тягой к удивительному. В романе эту тягу символизирует карта с серыми и черными пятнами — местами, где ты уже не хочешь или уже не можешь побывать. Смотря на родителей, лишивших себя приключений, Артем думает, что их серо-черная жизнь — самое страшное, что может случиться. Но в его истории все будет полноцветным: детали, пейзажи, даже слова, вся эта оживающая на бумаге настоящая сибирская жизнь.

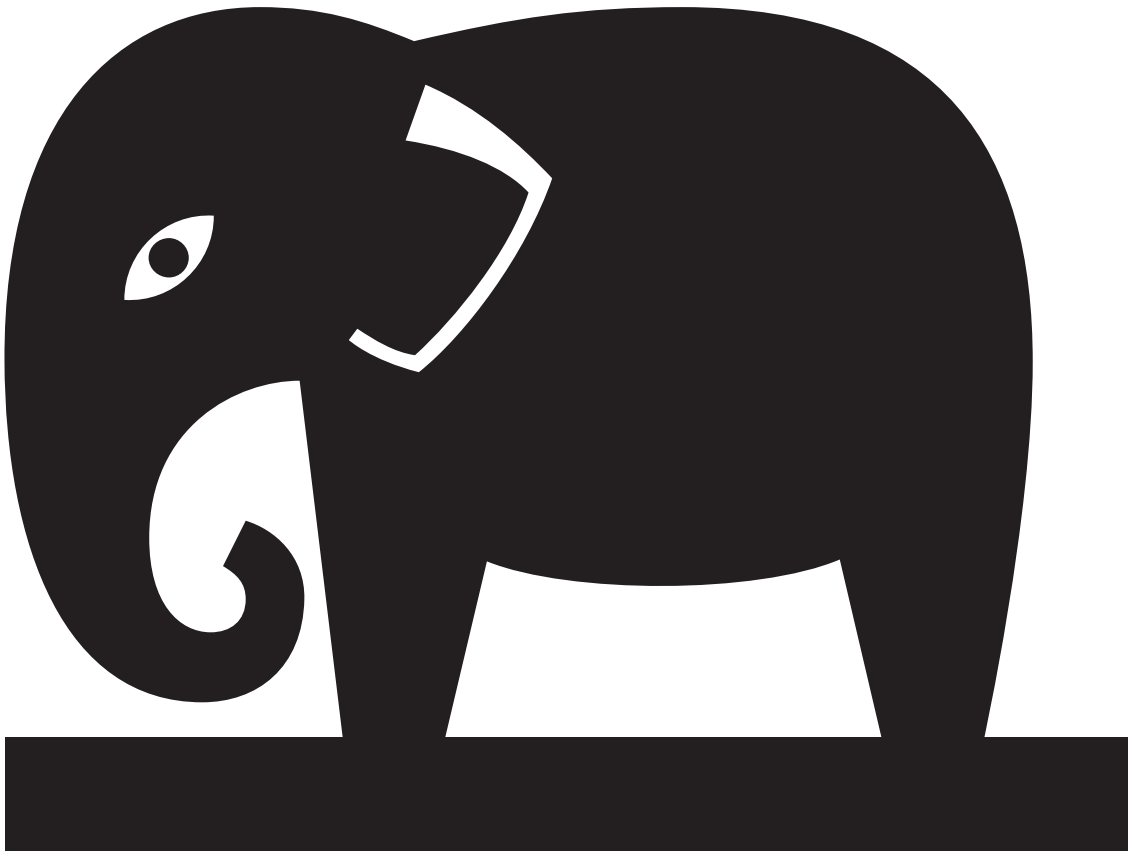
КОМПАСГИД

ТЕО — ТЕАТРАЛЬНЫЙ КАПИТАН

НИНА ДАШЕВСКАЯ

С мышей мы начали этот список, мышами и закончим: главный герой этой книги, мышонок Тео, живет в театре. Он любит слушать оперу, восхищается музыкой, но не очень любит оперу «Щелкунчик», кроме разве что начала, когда весь оркестр занят и можно забежать в пустую оркестровую комнату в поисках еды. Нина Дашевская — музыкант и писатель, удивительно умеющая говорить о музыке и о любви. В ее последней книге есть и то и другое, но прежде всего она про оперу: между делом Тео успевает рассказать в подробностях, как устроен оперный театр, закулисье, инструменты, сам оркестр.

САМОКАТ



Имена и вещи

Варвара Бабицкая о книге Марии Степановой «Памяти памяти»

«А-а, это одна из этих книг — когда автор путешествует по миру в поисках собственных корней, таких теперь много. Да, сказала я, будет еще одна». Это диалог Марии Степановой с кем-то из консультировавших ее историков. Но «Памяти памяти» оказалась совсем не «одной из этих книг», а в своем роде единственной

Степанова действительно пишет о своих реальных бабушках и дедушках из семейного альбома, но вопреки обыкновению такого распространенного сейчас семейного нон-фикшена не ищет занимательных или громких сюжетов на фоне событий большой истории. Отчасти такое решение диктует сам материал — архив семьи, почти намеренно и, можно сказать, удачно в истории не наследившей: «Существенная часть усилий моих бабушек и дедушек была направлена как раз на то, чтобы оставаться невидимыми. Достичь искомой неприметности, затеряться в домашней тьме, продержаться в стороне от большой истории с ее экстракрупными нарративами и погрешностями в миллионы человеческих жизней».

Из этой истории счастливо выживших есть любопытное следствие — сама эта сохранность материала, позволяющего ее реконструировать. Фотографии, открытки, письма, брошки, парижские шляпки, оббитые соусники — сокровища, дошедшие до автора, свидетельствуют о том, что в этом частном доме память не была насильственно прервана, а это парадоксальным образом тем более возможно, чем меньше было памятных событий.

Автору казалось несправедливым, что за своей обыкновенностью «всем этим людям… не пришлось быть увиденными, что жизнь не дала им ни одного шанса остаться, запомниться, побыть на свету». И автор выводит родню на свет не только в узком смысле, рассказывая их биографии, но и вписывая частную, домашнюю память в широкий контекст — скорее даже культурный, чем исторический.

Первая половина книжки выглядит как серия культурологических эссе, объединенных темой, давшей книге название: о «Шуме времени» Осипа Мандельштама, о погибшей в Освенциме художнице Шарлотте Саломон, оставившей уникальное мультимедийное произведение — графический роман — о своем сгинувшем европейском еврейском мире, о новом чат-боте, позволяющем вести диалог с умершими, о магических свойствах фотографии в романе Дафны дю Морье и документальных ее качествах в эссе Сьюзен Зонтаг, об ассамбляжах художника Джозефа Корнелла, который «эвакуировал из временного процесса все, что ему дорого», создавая миниатюрные музейные витрины почти из сора — Степанова рифмует их с резолюцией по делу Мандельштама: «Изолировать, но сохранить». «Памяти памяти» — шкатулка с драгоценностями, которые можно перебирать долго и с любого места: коллекция мыслей, которые можно додумывать в любом историческом и эстетическом направлении, коллаж фактов, каждый из которых обретает смысл только в связи с другими.

Эти факты и мысли связывает между собой совершенно особенная фигура автора. Степанова обращается с мировой культурой непринужденно, отказываясь от той добровольной самоизоляции, которую чаще всего выбирает современная русская литература. Степанова создает густое плетение цитат, не трудится давать ссылки, не растолковывает, приводит стихотворение Одена без перевода, не оправдывается за перевес культурного багажа. Это не то, отмеченное Григорием Дашевским, интеллигентское цепляние за общие пароли-цитаты, которое происходит «во многом от страха реальности, от страха оказаться среди чужих, от страха признать, что уже оказался среди чужих». Степанова как раз абсолютно бесстрашна, потому что в мировой культуре она среди своих, и она опирается на общность культурной памяти с читателем. Эта презумпция в русской прозе очень нова — даже в эпоху гугла, отменяющего потребность в сносках. Истории традиционно избирательной, выстраивающей иерархию и последовательность предметов, людей и сюжетов, заслуживающих запоминания, Степанова противопоставляет относительно новую идею истории как мозаики бесконечного количества равноправных фактов и мнений: «В сравнении с архивом, с его „переизбытком жизни“ у истории узкое горло: ей достаточно нескольких примеров, двух-трех деталей покрупней». Концепция архива уравнивает всех: приведенный Степановой донос звучит не менее лирично, чем любовное письмо.

Каталогизацией прошлого занимаются многие важные для Степановой авторы (например, Винфрид Зебальд, во многом обязанный ей своей популярностью в России), о которых она размышляет в книге, задаваясь вопросом, отчего мертвых в наше время никак невозможно оставить в покое, чтобы они «полежали *под паром*»: «Случилось что-то странное; словно вера в вещественность того, что было до нас, пошатнулась, гладкая картинка обнаружила колючую пиксельную основу».

Простоватое объяснение может быть, например, в том, что из-за катастроф XX века, прерывавших живую память поколений, оставлявших вещи чужими и беспамятными, а их хозяев разбиравших на вещи (штабеля ботинок, горки золотых зубов), прошлое и в самом деле пошатнулось, потеряло свои свойства цельного прочного мира и разбилось на осколки, которые нужно теперь собрать, снабдить инвентарными номерами, и тогда уже сложить из них снова слово «вечность».

«Памяти памяти» — совсем не «проза поэта» в том смысле, в каком обычно используется это выражение, однако Мария Степанова большой поэт, и в ее, например, недавней поэме «Spolia» можно усмотреть своего рода предисловие к ее новой прозаической книжке. Поэтическим механизмам проза находит новое, очень продуктивное применение — к списку кораблей, который восстанавливает объединенными усилиями вся современная литература, Мария Степанова как бы приписывает недостающую «Илиаду».

Мария Степанова. Памяти памяти. Новое издательство, 2017

0+ реклама

Празднуем вместе!

День рождения в «Космик»

- Виртуальная реальность
- Игротека и аттракционы
- Фото– и видеосъемка
- Боулинг
- Квесты
- Ресторан европейской кухни
- Научные шоу и анимация
- Авторские торты
- Лазертаг

КОСМИК

ресторан | игротека | лазертаг | боулинг | квесты

www.cosmik.ru

officialcosmik
cosmik_official
cosmik_official

Жюль Дассен с женой Мелиной Меркури, 1960 год

AFP

История «Охоты на ведьм» в 20 главах и 20 фильмах

ГЛАВА 17

ГОЛЛИВУДСКИЕ «КРАСНЫЕ» РАЗБЕГАЮТСЯ ПО МИРУ

«Мужские разборки» (Жюль Дассен, 1955)

проект Михаила Трофименкова

Содержание предыдущей главы: жертвы черных списков налаживают производство сценариев под псевдонимами — столь удачное, что «двойники» Далтона Трамбо дважды получают «Оскары».

JOHN SWOPE / THE LIFE IMAGES COLLECTION / GETTY IMAGES

Присуждение Дассену каннского приза за режиссуру знаменовало рождение уникального французского нуара. Сумрачную балладу об ограблении, ставшем звездным часом и смертным приговором чахоточного пахана Тони (Жан Серве), о гангстерских войнах и женском коварстве французское кино пересказывало с вариациями лет тридцать. А получасовая — без единого слова — сцена ограбления была по виртуозности достойна Цезаря, миланского медвежатника, сыгранного самим Дассеном.

Фестиваль был для него удачен вдвойне: он встретился с будущей женой великой греческой актрисой Мелиной Меркури. Но звездой фестивальной хроники Дассен не стал. Соотечественники-американцы подходили выпить за его здоровье, но испарялись, стоило им приметить фоторепортера. По красной дорожке на премьеру Дассен шествовал бы в одиночестве, не составь ему компанию Джин Келли. Дассен, автор великих нуаров («Обнаженный город», 1948; «Ночь и город», 1950) бежал из США, когда его друг Эдвард Дмитрик назвал его имя следователям КРАД.

Годом раньше он приступил к съемкам криминальной комедии «Враг общества номер один» с Фернанделем. Но Жа Жа Габор — скорее светская звезда, чем актриса,— наотрез отказалась сниматься, пока не выяснится, коммунист ли Дассен. Продюсер запросил всемогущего профсоюзного босса Голливуда, зловещего Роя Брюэра. Тот ответил, что у Дассена слишком много подозрительных связей с компартией и его фильм не может рассчитывать на прокат в США. За два дня до начала съемок Дассена уволили. За «Разборки» он взялся от отчаяния, с апломбом соврав продюсеру, что, да, читал роман Огюста Ле Бретона и, да, в восторге от него. Бросившись лихорадочно читать роман, который предстояло экранизировать, Дассен ужаснулся. Написан он был написан на таком авторском арго — экс-шулер и вор Ле Бретон был незаурядным языкотворцем,— что пришлось заказать перевод «с французского на французский». Ну и холодная жестокость романа претила гуманисту Дассену.

Все хорошо, что хорошо кончается. Дассен, сын и внук одесских парикмахеров, режиссер агитпроповских театров 1930-х, игравших на идише, ставивший на место даже великого и ужасного Луиса Б. Майера, стал великим греческим режиссером.

Дассен — лишь один из беглецов. Эмиграцию выбрали сотни людей: от таких титанов, как Бунюэль, Орсон Уэллс и Чаплин, до скромных звукооператоров. Впрочем, еще надо было успеть эмигрировать. Государственный департамент лишал неблагонадеж-

ных загранпаспортов. Невыездному Полю Робсону приходилось по телефону исполнять свой хит «Старик-река» для Йориса Ивенса, не мыслившего фильм «Песнь великих рек» без этого гимна Миссисипи. Роман Симоны де Бовуар с Нельсоном Олгреном пришел в упадок, поскольку знаменитый автор «Человека с золотой рукой», экранизированного с Фрэнком Синатрой в главной роли, был лишен паспорта. А Бовуар, в свою очередь, был запрещен въезд в США, как, скажем, Иву Монтану и Морису Шевалье, подписавшим Стокгольмское воззвание о запрещении атомного оружия, или Грэму Грину, неосторожно сказавшему интервьюеру, что в юности состоял в компартии.

Первый поток эмигрантов устремился в Мексику. Дональд Огден Стюарт, баловень Бродвея, глава Антинацистской лиги Голливуда, описывавший свое вступление в партию как мистический опыт, понял, что пора валить, когда ему позвонили из MGM с просьбой зайти и ответить на пару пустяковых вопросов. Нервный сценарист Бернард Гордон бежал через границу среди ночи, разбудив телефонным звонком коллегу Гордона Кана: дескать, продавай за любые деньги твой 13-комнатный особняк, пока не поздно. Но в Мексике, слишком зависевшей от северного соседа, работы для целой толпы эмигрантов просто не находилось.

Возможности устроиться в Европе, впрочем, тоже были не безусловны и впрямую связаны с профессиями политбеженцев. Например, во Франции, по большому счету отличавшейся расовой терпимостью, обрела второй дом целая афроамериканская колония во главе с писателями Джеймсом Болдуином и Ричардом Райтом и карикатуристом Олли Харрингтоном, прославившимся рисунками во фронтовой прессе. Звезда джаза, виртуоз игры на губной гармонике Ларри Адлер обустроился в Лондоне, а его партнер — чечеточник Пол Дрейпер — в Женеве.

Европу выбрали, помимо Дассена, и другие опальные режиссеры, не имевшие, в отличие от сценаристов, возможности работать на родине под псевдонимами. Но продюсеры слишком боялись потери американского рынка, чтобы встретить изгнанников с распростертыми объятиями. Даже великий Джозеф Лоузи, будущий каннский триумфатор («Посредник», 1971), начинал в Англии с кабальных контрактов и работы под псевдонимами. К тому же у него, как и у многих изгнанников, был просрочен американский паспорт. В континентальной Европе его несколько раз задерживали и депортировали. Даже в 1965 году, когда события начала 1950-х, казалось, должны были быть сданы в архив, его арестовали в Италии, где Лоузи снимал «Модести Блейз» — пародийную женскую вариацию на тему «бондианы» с Моникой Витти в главной роли. По его словам, «дело удалось закрыть, кое-кого подкупив, чтобы соответствующие досье исчезли. Я узнал о заговоре ЦРУ и фашистов из итальянской киноиндустрии, внесших меня в свой черный список».

Не только Лоузи оставался под колпаком спецслужб даже в Европе. В досье ФБР на Орсона Уэллса приземлилась фотография, на которой он трапезничал с лидером итальянской компартии Пальмиро Тольятти. Британская контрразведка следила, среди прочих, за великим этномузыковедом Аланом Ломаксом, открывшим миру американскую фолк-музыку, и актером и режиссером Сэмом Уонамейкером, ныне признанным национальной гордостью Великобритании как человек, восстановивший и возглавивший шекспировский театр «Глобус».

Но более всех спецслужбы интересовала журналистка Ханна Вайнстайн, основавшая в Лондоне фирму Sapphire Film, истинный оазис для таких же, как она, беженцев. Там нашлась — под псевдонимами — работа для сценаристов Адриена Скотта, Ринга

Ларднера, Говарда Коха, Уолдо Солта, Роберта Лиза, Йена Маклеллана Хантера. Именно с сериалов «Приключения Робина Гуда» или «Приключения сэра Ланселота», сочиненных их совместными усилиями, начался расцвет британского телекино. ФБР полагало, что Вайнстайн инвестировала в сериалы «черную кассу» компартии США. Что ж, к тому времени, когда расцвел Sapphire Film, партия практически перестала существовать. Можно только порадоваться, что ее касса не пропала зря.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

Триумф иноагента

Станислав Ф. Ростоцкий о Джеки Чане и истории его покорения Голливуда

В прокат выходит боевик «Иностранец» Мартина Кэмпбелла с Джеки Чаном и Пирсом Броснаном в главных ролях. О том, как Джеки Чан стал почетным иностранцем Голливуда, рассказывает Станислав Ф. Ростоцкий

Гениальная идея свести в одном фильме Джеки Чана и Пирса Броснана была мистическим образом предрешена еще 20 лет назад. Когда зимой 1996 года на первой официальной бондовской премьере в России (давали «Золотой глаз» — внимание! — Мартина Кэмпбелла) на сцену московского Дома кино в сопровождении кордебалета поднялся вовсе не Броснан, а замаскированный под агента 007 Леонид Ярмольник. Этому никто особенно не удивился: место проведения мероприятия да и сама эпоха вряд ли предполагали иные расклады. Совершив несколько героических па и сказав все приличествующие моменту слова, Ярмольник вдруг заговорщицки подмигнул и предложил поприветствовать посетившую премьеру «звезду, которая не хуже Джеймса Бонда знает толк в трюках». В центре партера поднялся и приветливо помахал рукой облаченный в белый костюм, улыбающийся и, самое главное, абсолютно настоящий Джеки Чан. Кумир поколения оказался в столице пролетом из Австралии в Крым, где снимали «Первый удар», но в тот момент было совершенно неважно, как и почему произошло негаданное чудо. И уже погас в зале свет, и уже Броснан куда-то прыгал и кого-то спасал, но сосредоточиться на его подвигах было решительно невозможно: истинный виновник торжества находился в тот момент по другую сторону экрана.

Даже будучи безоговорочной, мало с кем сравнимой суперзвездой в Азии, Джеки Чан не мог в какой-то момент не стать «иностранцем»: западный триумф Брюса Ли не давал покоя продюсерам по обе стороны Атлантики. В 1980-м Чан впервые прилетел в Лос-Анджелес, чтобы принять участие в «Большой драке», совместном проекте гонконгского киномогула Раймонда Чоу и создателей главного фильма Брюса Ли «Входит Дракон», в том числе режиссера Роберта Клауза и даже композитора Лало Шифрина. Джеки вспоминал, что свой первый в жизни американский заказ («бургер, картошка фри, кола») он репетировал битых полчаса, а собственные реплики учил на слух, лишь приблизительно понимая смысл. При этом, как ни странно, именно в «Большой драке» можно было впервые услышать с экрана настоящий голос Джеки Чана — все его фильмы в Гонконге дублировались на кантонский и мандаринский аж до начала 90-х. Одним из самых частых вопросов, которые задавали ему голливудские репортеры, был «Правда, что вы новый Брюс Ли?»; по популярности с ним могли соперничать только «А вы на самом деле знаете карате?» и «Как правильно произносится ваше имя?». Впрочем, ретробоевик о Чикаго 30-х (снимали, правда, в Техасе) никто особо не заметил, новым Брюсом Ли в глазах американцев Джеки не стал, а в подвернувшихся по случаю «Гонках

„Пушечное ядро“» (1981) Хэла Нидема ему и вовсе пришлось изображать второпланового японца. Кино вышло предельно дурацким, но прибыльным и сверхзвездным: Берт Рейнольдс и Роджер Мур, Фара Фосетт и Дин Мартин, Сэмми Дэвис-младший и Бьянка Джаггер (а в снятом через пару лет сиквеле к ним прибавились Фрэнк Синатра и Ширли Маклейн). Все они, по воспоминаниям Чана, были с ним очень милы, но не имели решительно никакого представления о том, кто он такой, и, судя по всему, действительно принимали его за японца.

Следующую попытку покорения Голливуда сам Джеки именует не иначе как катастрофой: в 1986 году он сыграл в полицейском боевике «Покровитель» Джеймса Гликенхауса. Своего рода Дон Сигел категории Z, Гликенхаус зачем-то решил превратить Джеки в подобие Грязного Гарри, полагающегося в основном на пистолет, а не на приемы кунг-фу да на добрую шутку. После американского провала «Покровителя» Чан радикально перемонтировал фильм для азиатского проката (вырезав, в частности, всю показавшуюся ему неуместной обнаженку), а также заново переснял все боевые сцены. И даже после этого самым запоминающимся в «Покровителе» остается граффити «Свободу советским евреям!», украшающее стену нью-йоркского общественного туалета в одном из эпизодов.

Из всей этой суеты вышел, впрочем, толк: мучаясь с «Покровителем», Чан выкристаллизовал идею «Полицейской истории» (1985), которая в очередной раз изменила лицо гонконгского кино и вознесла статус Джеки до высот каких-то совсем уж поднебесных. Про Голливуд он особенно не думал, но о нем там вспомнили сами. 23 февраля 1996 года компания Miramax презентовала на 1794 американских экранах «Разборку в Бронксе» (1994) Стэнли Тонга (снимали, правда, в Ванкувере). Годом раньше этот «комедийный боевик с Джеки Чаном» (каноничный настолько, что хоть сейчас в палату мер и весов) стал чемпионом проката на родине героя, а в Америке оказался первым гонконгским фильмом в истории, стартовавшим с вершины бокс-офиса, и собрал в итоге роскошные в своей весовой категории $32 млн.

После этого за океаном перевыпустили с полдюжины чановских хитов последних лет, и не только. Дошло до того, что в 1999-м неплохую кассу сделали даже «Близнецы-драконы» (1992) Ринго Лама и Цуй Харка. Но иного и ждать не приходилось, ибо к тому моменту на счету Чана уже был «Час пик» (1998). Предельно бесхитростное полицейское buddy-movie Бретта Ратнера о совместной операции гонконгского увальня (Чан) и афроамериканского болтуна (Крис Такер) в Лос-Анджелесе, нашпигованное шуточками о разнице культур, вдруг стало хитом мирового уровня и основой целой франшизы: три серии «Часа пик» собрали по миру в общей сложности $850 млн. У «Шанхайского полудня» (2000) Тома Дея и «Шанхайских рыцарей» (2003) Дэвида Доббкина, комедийных вестернов, где напарником Чана стал Оуэн Уилсон, столь сокрушительного успеха не было (притом что сработаны они не в пример остроумнее и изящнее), но внушительные $187 млн заработали и они. Случился у Чана и один вполне индивидуальный блокбастер — ремейк культового восьмидесятнического «Карате-пацана», поставленный Харольдом Цварфом в 2010 году, собрал в международном прокате $359 млн.

Сегодня Джеки Чан носит титул голливудской звезды с куда большими основаниями, чем иные коренные обитатели Беверли-Хиллз. Собственно, еще в 1998 году он появился в камео сатирической комедии «Гори, Голливуд, гори: фильм Алана Смити» Артура Хиллера по сценарию Джо Эстерхаза. Чан, Сильвестр Сталлоне и Вупи Голдберг изображали самих себя, объединившихся для съемок зубодробительного блокбастера «Трио». Тогда это казалось язвительной гиперболой. А сегодня воспринимается едва ли не кокетством. У Джеки Чана без счету наград наикрупнейшего калибра, в диапазоне от звания «самого любимого героя боевиков», по мнению People's Choise Awards, и премий MTV до «Оскара» за пожизненный вклад в кинематограф. За ним закреплена персональная звезда на Голливудском бульваре. Наконец, чтобы в статусе его не оставалось совсем уж никаких сомнений, Джеки Чан был допущен до святая святых — ему позволено озвучивать персонажей мультфильмов. Тем самым голосом, который до начала 90-х годов с экрана никто не слышал, заговорили персонажи «Кунг-фу панды», «Реальной белки» и «Лего Ниндзяго».

Вопросы, которыми донимали его акулы пера на заре карьеры, уже давно неактуальны. Все знают, как произносится его имя. Никто не сомневается в его владении карате, или как оно там на самом деле называется. И нет, он не новый Брюс Ли. Он — Джеки Чан, почетный гражданин мира, иностранец ровно настолько, насколько ему самому этого хочется.

В прокате с 30 ноября

Пьян и мерзок — как все

Алексей Васильев о «Глупеньком» Билли Уайлдера и эволюции звездного имиджа

«Поцелуй меня, глупенький» с Дином Мартином в главной роли закрывает мини-ретроспективу Билли Уайлдера, организованную кинотеатром «Пионер». Образ эстрадной звезды, созданный на экране Уайлдером и Мартином, который играет здесь как бы самого себя, значительно опередил свое время и так вызывающе резонирует с нашим, что лучшего момента пересмотреть этот фильм, кажется, и быть не может

DIOMEDIA / PHOTOS 12 CINEMA / DR

DIOMEDIA / PHOTOS 12 CINEMA / DR

Дин Мартин обладал баритоном настолько обволакивающим, что, коснись иглой виниловой дорожки с его записью какой-нибудь «Воларе, кантаре» или «Буона сэра, синьорины», и в комнату неминуемо заползет и поглотит ее всю, подобно газу, образ довольного кота, только что оприходовавшего хозяйский месячный запас валерьянки. Всегда подшофе, вальяжный, провожающий благодушным оценивающим взглядом всякие проплывающие бедра и отпускающий ленивые, как кольца табачного дыма, шутки про буфера — таким он представал перед зрителями своего еженедельного телешоу, веселившего Америку на протяжении десятилетия с 1965-го по 1974-й. Но впервые этот образ вечно пьяного себя, заточенного единственно под то, чтоб «ее, голубушку, шмяк-шмяк-шмяк, амням-ням-ням, да и — шмыг-шмыг-шмыг-шмыг», он опробовал в кинокомедии Билли Уайлдера «Поцелуй меня, глупенький», пошедшей в кино на Рождество 1964-го. «Глупенький» и сегодня смотрится вызывающе, а тогда и вовсе скандал был жуткий: он стал первым за семь лет американским фильмом, получившим официальное осуждение Национальной лиги приличий, и насколько это было серьезно, свидетельствует тот факт, что студия United Artists побоялась предварять его своей заставкой и выпустила в прокат под логотипом дочерней, промышлявшей порочным киноимпортом компании. Однако Мартина это, напротив, только раззадорило: по сути, в этом фильме они с Уайлдером проложили дорогу новой форме поддержания звездного имиджа, и столбовой эта дорога станет только уже в новом, XXI веке.

Сам по себе образ Дина Мартина — бабника под мухой — тиражировался не только прессой, но и самим артистом в его вегасских эстрадных представлениях. С фрагмента одного из них и начинается фильм. В первом же кадре мы видим подлинную афишу шоу Мартина в отеле «Сэндс», затем — выступление, в котором артист мурлычет песню «'S Wonderful» с бокалом в руке, прослаивая куплеты солеными шутками про трущихся об него девиц из кордебалета вроде «Эта вчера полночи колотила в мою дверь: орала, чтоб я ее выпустил». После чего Мартин садится в свое собственное всамделишное эксклюзивное авто с номерами DRUNK («ПЬЯНЬ») и катит в Лос-Анджелес — чтобы по причине ремонта шоссе застрять на ночь в Неваде в городке под названием Климакс. Тут-то и начинается то, от чего и сегодня немудрено испытать неловкость: Дина берут в оборот два местных горемыки-любителя, сочиняющих песни, чтоб он купил в свой репертуар одно из их творений, а он не прочь, только если ему дадут переспать с фигуристой женой одного из них.

Фильмы со звездами в ролях самих себя появлялись и раньше: даже в СССР, где

DIOMEDIA / PHOTOS 12 CINEMA / DR

DIOMEDIA / PHOTOS 12 CINEMA / DR

в эпоху немого кино был снят «Поцелуй Мэри Пикфорд» с участием приехавших тогда с визитом в Страну Советов звезд Голливуда. Но все это были камео, звезды представали в них звездами — грациозными, остроумными, такими, какими хотели видеть себя они сами, их поклонники и, что еще важнее, их агенты. Проявление у звезд в ролях самих себя более личных отличительных черт, их невыгодное или несправедливое в отношении главных героев поведение в конфликтных ситуациях — и такое, хоть и реже, а бывало раньше, но как раз эти-то новшества и связаны с именами Уайлдера и Мартина. Первый занял легендарных во времена немого кино режиссера Сесиля Де Милля и комика Бастера Китона в мелодраме ужасов о деградации стареющего поколения в Голливуде «Бульвар Заходящего солнца» (1950), второй — продемонстрировал неохоту отрываться от барной стойки в музыкальной комедии «Пепе» (1960), шедшей в советском прокате под все объясняющим названием «Мексиканец в Голливуде». Но такой сомнительный поворот событий, какой спровоцировало поведение Дина Мартина в «Глупеньком», способен попросту угробить репутацию звезды, появись рассказ о нем в желтой прессе. Здесь же сама звезда рисует свой портрет красками, на какие отважится не всякий борзописец.

Справедливости ради скажем, что фамилия Мартина ни разу не упоминается в фильме, и зовут его героя не «Дин», а «Дино». Но Дино звали его не только друзья, но и поклонники, а всамделишные шоу, афиши, пластинки и авто Мартина, его постоянная болтовня про своих реальных друзей Синатру и Бинга Кросби, упоминания шайки «Крысиная кодла», в которой они состояли, и куча фраз, которые мог обронить именно Мартин («Еще одна итальянская песня в моем репертуаре нужна мне как кобыле пятая нога»), не оставляют сомнений в том, кто перед нами. В конце концов, где бы он ни оказался тогда, хоть в Вегасе, хоть в Климаксе, штат Невада, в реальной жизни его б так и звали — Дино, а никак не мистер Мартин.

Фарс Уайлдера впервые показал знаменитость не как оторванную от действительности субстанцию, но как часть пищевой цепочки. Поведение звезды продиктовано тем миром, в котором она стала звездой. Она — его лакмусовая бумажка. И плохое и хорошее, что в ней есть,— это добро и зло современного общества в увеличительном стекле. Потому что добро от Дино очень даже будет, причем для каждого из его новых знакомых. И беда ли добропорядочных или пошедших по кривой дорожке (Ким Новак в роли начесанной на манер оторвы 1980-х пергидрольной секс-работницы поневоле — альмодоварской крупности бриллиант в актерском ансамбле «Глупенького»), но неизменно душевных героев-простолюдинов, что, кем бы они себя ни мнили, покуда они в этом мире, добро всегда будет иметь для них вполне исчисляемый денежный эквивалент?

Спустя 14 лет после «Глупенького», в 1978-м, Уайлдер поставит фильм «Федора», где идол уже другого поколения, Майкл Йорк, сыграет самого себя — красавца-актера Майкла Йорка, от любви к которому лишается покоя и гибнет его партнерша по фильму. И это все еще будет выглядеть странно, потому что все еще будет опережать свое время. В том самом 1978-м Лига пристойности вынесет свои последние осудительные приговоры и оставит попытки влиять на кино, а звездам в глазах общественного мнения уже поголовно будет позволено пить, бузить, даже губить свои жизни — но чтоб чужие?! Однако в нашем веке подобные метаистории о кинозвездах в вымышленных, нелестных для них и опасных для окружающих киносюжетах будут поставлены на конвейер, когда в 2004 году Марк Уолберг спродюсирует сериал о Голливуде «Красавцы», опираясь на собственный опыт восхождения к славе. Фильм, в котором реальные звезды и режиссеры Мэтт Деймон, Гэри Бьюзи, Бретт Ратнер, Сет Грин, Кристина Агилера, Скарлетт Йоханссон и многие другие не только сыграют автопародии, более безумные, а то и более убогие версии самих себя,— этот фильм по просьбам зрителей проживет на телеэкранах долгие и счастливые семь лет. Некоторые же актрисы-героини — среди них Мэнди Мур, Саша Грей — на много серий станут любовницами вымышленных главных героев и, послушные воле сценаристов, проявят в «Красавцах» все худшее, что можно было бы ожидать от встречи с ними, если судить по прессе и их публичным выступлениям.

Впрочем, «худшее» — если смотреть с позиций Лиги приличий или подростка, склонного верить, что кумир всегда должен быть на высоте. В глазах таких поклонников, когда с этой высоты кумира стягивают другие, он оказывается прямиком в сточной канаве. Другое дело, когда звезды сами обращают внимание на свое «так же, как все». Возможно, это новое, более гуманное признание за звездой права быть продуктом как общества, которое ее породило, так и собственной семьи, стечения обстоятельств, в каком ищут корень поведения психотерапевты. То, что во времена Уайлдера и Мартина казалось наговором на себя и самобичеванием, только во времена «Красавцев» раскрыло свою истинную природу — просьбы о гуманном отношении. Смейтесь — пожалуйста! Злословьте — сколько угодно! Даже возмущайтесь, но не судите слишком строго. Во всяком случае, не строже, чем вы судите себя или соседей за стеной.

Кинотеатр «Пионер», 28 ноября, 21.30

«Надо слегка раздражать зрителей — это обостряет внимание»

Кристиан Шпук о своем «Щелкунчике»

ГРИГОРИЙ БАГАРДОН

ГРИГОРИЙ БАГАРДОН

В рамках фестиваля DanceInversion, который в этом году задуман «как пролог к 200-летию со дня рождения Мариуса Петипа», Балет Цюриха представит «Щелкунчик» в постановке художественного руководителя труппы Кристиана Шпука, премьера которого состоялась всего полтора месяца назад. Несмотря на то что впервые этот балет Чайковского поставил не Мариус Петипа, а Лев Иванов, подробный сценарный план разработал все же сам юбиляр, взяв за основу либретто Александра Дюма. Татьяна Кузнецова расспросила Кристиана Шпука, чем его версия отличается от первоисточника

Само название «Щелкунчик» обеспечивает кассу. Вы свой балет поставили из коммерческих соображений или все-таки по зову сердца?

За свою жизнь я видел множество «Щелкунчиков» — и каждый раз бывал разочарован: ни в одном нет оригинальной сказки Гофмана. По-моему, Александр Дюма сочинил свою историю только для того, чтобы показать милые танцы. А я всегда хотел сочинить прекрасные танцы для того, чтобы рассказать историю Гофмана.

И сами написали либретто?

Да, мы отказались от Дюма и последовали за Гофманом.

Но история еще не обеспечивает успех балету: вот в Мариинском театре сделали «Принцессу Пирлипат» по Гофману. И кто ее помнит?

Конечно, дело не только в истории. Успех зависит от музыки, декораций, костюмов и от того, что происходит на сцене. Но сейчас во всем мире «Щелкунчик» стал частью Рождества: все обязательно идут его смотреть, не думая ни о балете, ни о Гофмане. Чистый маркетинг. Мы хотим это изменить.

А как быть с Чайковским, который писал музыку по либретто Дюма?

Музыка у Чайковского разделена на номера. Там нет таких огромных эпизодов, как у Прокофьева в «Ромео и Джульетте» или даже у самого Чайковского в «Спящей красавице». Самые большие номера — «Вальс цветов» и «Снежинки» — идут шесть минут. Остальные короче: бывает, всего на минуту. И хотя в какие-то моменты можно понять: вот это битва, вот это растет елка, однако в целом музыка не пересказывает либретто. Это дает мне возможность тасовать музыкальные номера. Мы начинаем с апофеоза, с финала балета, потом переходим на увертюру — ее обычно не используют, а это самая красивая музыка, такая тонкая! Я надеюсь, что, изменив порядок номеров, мы заставим уши публики иначе воспринимать знакомую музыку.

А зачем?

Надо слегка раздражать зрителей, показывая что-то непривычное. Это обостряет внимание. У нас, например, на музыку русского танца принцесса Пирлипат превращается в монстра, который только и может, что орехи грызть. Там такой трюк: она сидит в стеклянной витрине, сбоку кнопочка — и когда артистка ее нажимает, скорлупки от орехов заполняют аквариум доверху.

Так принцесса Пирлипат у вас играет главную роль?

Нет, Дроссельмейер. Он и есть Гофман, который написал эту сказку для детей своего друга. Причем Гофман не только книжки писал, он в театре работал, композитором был. То есть умел соединять разные миры. Что де-

ПЕТР КАССИН

GREGORY BATARDON

GREGORY BATARDON

GREGORY BATARDON

GREGORY BATARDON

лает и наш Дроссельмейер, рассказывая Мари историю принцессы Пирлипат и вводя ее в сахарный мир фантазии. Собственно, это история первой любви, инициированной хитрым пожилым человеком, странным немножко, с какой-то темной стороной. Как главный персонаж, Дроссельмейер у нас много танцует — и соло, и па-де-де.

У вас в труппе оказалось много артистов из Музтеатра Станиславского. «Анну Каренину» вы ставили на русскую балерину. Алексей Ратманский, делая у вас реконструкцию «Лебединого озера», тоже отдал роль Одетты-Одиллии русской танцовщице. И в «Щелкунчике» русские солируют?

У меня в труппе сейчас три русские балерины, и все они играют тетушек Мари. У одной в руках всегда цветы, и она потом становится солисткой в «Вальсе цветов». Другая все время пудрится — и оказывается главной снежинкой. А Вика Капитонова постоянно ест тортик и в результате превращается в фею в огромной такой пачке. Для художника по костюмам Буки Шифф это дебют в балете, раньше она делала только оперы. Зато из всех художников, которых я знаю, у нее самая буйная фантазия. Конечно, у нас были проблемы: в некоторых костюмах неудобно танцевать. Но мы справились, зато каждый костюм нашего «Щелкунчика» — произведение искусства.

Действие сказки происходит в наши дни или в XIX веке?

Все, что касается семьи Штальбаумов,— это времена Гофмана. А мир сладостей совершенно сумасшедший. Дроссельмейер приносит Мари игрушечную коробочку, открывает — и из нее вырастает старинный театр. Сценограф Руфус Дидвишюс приготовил массу сюрпризов — вот увидите. А Рождество в доме Штальбаумов у нас короткое — обычно скучно смотреть на эти детские праздники. И детей настоящих у нас нет — просто танцовщики маленького роста.

А сами танцы — классика?

Что-то да, что-то нет, но всегда с иронией. Особенно «Вальс цветов»: он вполне классический, но очень забавный.

Сколько же человек в труппе, раз вы можете позволить себе такие масштабные балеты, как «Щелкунчик» и «Лебединое»?

Основная компания — 36 артистов, и есть еще молодежная, 14 человек. В молодежную группу я, как правило, беру людей после просмотров — а уж после «молодежки», года через два, беру лучших в основную компанию. Еще в Цюрихе есть маленькая балетная школа и большая, профессиональная, очень хорошая, кстати. Эти школы не связаны с труппой, но мы и оттуда выпускников берем.

Судя по всему, «Щелкунчик» — сложный в постановочном плане спектакль. Наверное, он не предназначен для гастролей?

На самом деле — нет. Но на сцене Большого театра поместится. В самом начале постановки я должен был сделать выбор: делать ее компактной, удобной для гастролей, или дать волю воображению. И наш технический директор сказал: «Давайте все-таки делать искусство». Мне вообще повезло: наш генеральный директор — сам оперный режиссер. И он всегда говорит: «Делай свое искусство, Кристиан. А уж потом смотри на кассовые сборы. Когда думаешь о кассе, получается банальность. Ведь публика любит привычное. А мы должны двигаться вперед». И знаете, публике это нравится. В прошлом году у нас было 90% продаж — это я только про балет говорю.

Большой театр, Новая сцена,
28 и 29 ноября, 19.00

Мир, труд, пей

Анна Толстова о художнике, сумевшем возмутить и компанию Coca-Cola, и православных активистов

В Московском музее современного искусства на Гоголевском бульваре открывается первая в России ретроспектива живого классика соц-арта Александра Косолапова. Ее курирует американский художественный критик и поэт Картер Рэтклиф — в прошлом москвич, а ныне нью-йоркер Косолапов эмигрировал из СССР в 1975 году и уже сорок с лишним лет как американский художник. Но, кажется, до сих пор не расстался со своей советской родиной, как, впрочем, и большинство населения бывшей шестой части суши

Кто бы мог подумать, что плеяда (хоть это патетическое слово и не к лицу такому ироническому искусству, как соц-арт, иначе не скажешь — Виталий Комар и Александр Меламид, Дмитрий Александрович Пригов, Леонид Соков, Борис Орлов, Александр Косолапов и есть плеяда) выйдет из стен Строгановки, пусть и в относительно либеральные 1960-е. Главным образом плеяда обучалась на отделении монументальной скульптуры, смысл и назначение которой состояли в том, чтобы наладить производство «девушек с веслами» в промышленных масштабах. Правда, плеяда сегодня восстает против термина «соц-арт», изобретенного Комаром и Меламидом в 1970-х, в эпоху развитого застоя, когда «поп-арт» был идеологическим ругательством, а соцреализм — нормой жизни (в сорокинском смысле слова «норма», звучавшего свежо и остро). Ясно, что теперь соц-артом называют все что ни попадя, да и терминологический барьер между «соц-артом» и «московским концептуализмом» как будто бы мешает увидеть в соц-арте ту же концептуалистскую интеллектуальную изощренность. Но тем не менее при слове «соц-арт» в памяти сразу всплывают образы, выведенные в лаборатории визуальной критики Александра Косолапова.

Впрочем, глупо удивляться тому, что художественное училище, готовившее рядовых бойцов пропагандистского фронта, взрастило такого выдающегося контрпропагандиста — школа на то и существует, чтобы праздновать праздник непослушания. Контрпропагандиста не в том смысле, что он работал в интересах, как это сейчас называется, вашингтонского обкома, даром что советская критика в штатском и пыталась представить дело именно так, а в смысле резистентности к пропаганде, любые проявления которой подлежат изобличению и деконструкции. К пропаганде — по обе стороны железного занавеса, и если бы критика в штатском была чувствительнее к своему предмету, она могла бы отдать должное художнической интуиции Косолапова, едва ступившего на американский берег и тут же принявшегося за подрывную работу на территории идеологического и визуального противника.

ЧАСТНОЕ СОБРАНИЕ

«Горби (золотой)», 1989 год

И правда, своей вершины косолаповский соц-арт достиг уже после эмиграции из СССР. Возможно, отчасти это было связано с тем, что художнику, специализирующемуся в области гибридизации идеологических штампов коммунистической наглядной агитации и капиталистической рекламы, требовалось знакомство с образами в подлинниках. К тому же в Америке случилось окончательное перерождение Косолапова из скульптора в иконописца, когда массивные пластические гиперболы в духе Класа Ольденбурга вроде огромной деревянной «Мясорубки», изрыгающей веревочные сопли перемолотого фарша, навсегда остались в прошлом и наступило время благородной плоскости имени Энди Уорхола и Казимира Малевича. И в самой этой холодной непроницаемой плоскости — рекламного постера или советского лозунга, в плоскости пропаганды и идеологии — обнаружилась та самая глубинная восточная традиция, традиция иконы, приверженцами коей выказали себя и Малевич, и Уорхол. Что лишь подтверждает известное правило, будто только в эмиграции и создаются «подлинно национальные» произведения русской культуры.

TSUKANOV FAMILY FOUNDATION

«Ленин — Кока-Кола», 1982 год

Заглавная работа выставки «Ленин — Кока-Кола» была сделана в 1980-м — в сущности, накануне падения советского «коммунизма» и перерождения «классического» капитализма, накануне конца СССР и «бывшего Запада», но тогда вряд ли кто-то отдавал себе отчет в том, что это накануне и что скоро настанет новый глобальный мир. Так что именно «Ленин — Кока-Кола», увеличенный до размера билборда и помещенный на Таймс-сквер, стал главным художественным символом холодной войны, затмив собою все «портреты Ленина в манере Джексона Поллока» группы Art & Language. Косолапов и сам много экспериментировал в области скрещивания разных визуальных языков, расцвечивая супрематическими композициями Дюшановы писсуары в серии «Русского революционного фарфора» или же прививая мухинским рабочему с колхозницей ушастые головы Микки и Минни. Но только обращение к таким образам и словам, в каких всякое художественное вещество истончилось до чистого знака, до практически абстрактной идеограммы, в форму которой отлита идеологема, наделяет его искусство некоей магической силой.

«Ленин — Кока-Кола» представлял собой невозможную мозаику этих выхолощенных знаков. К самой ходовой «иконе» Ильича, к словно бы вырубленной в граните ленинской голове, украшавшей все общественное пространство в СССР — от танцплощадки до первомайской демонстрации, вместо какого-нибудь лапидарного ленинского изречения прилагалась столь же ходовая «молитва» «It's the real thing», в свою очередь заполнявшая все общественное пространство за пределами СССР и стран соцлагеря,— в качестве слогана из рекламы Coca-Cola начала 1970-х. Слоган, однако, был подписан, словно цитата, именем Ленина, но поскольку над текстом помещался логотип Coca-Cola, слишком часто произносимое всуе имя коммунистического божества автоматически превращалось здесь в аналогичный логотип.

«Русский революционный фарфор», 1992 год

СОБРАНИЕ АВТОРА

СОБРАНИЕ АВТОРА

СОБРАНИЕ АВТОРА

СОБРАНИЕ ГАЛЕРЕИ VALLOIS, ПАРИЖ

«Мики Малевич», 2006 год

Казалось бы, это художественное пространство устроено чрезвычайно просто — с плакатной плоскостностью и прямотой бинарных оппозиций «коммунизм — капитализм», «идея — товар», «идеологизированное общество — общество потребления». Но со временем оно обретает какую-то как бы отложенную сложность и амбивалентность, когда сообщение, вроде бы лишенное всякого смысла, кроме смысла языковой игры и иронии, неожиданно наделяется собственным содержанием, делается посланием и в этом качестве начинает задевать чьи-то чувства. В конце концов, художник, работающий с иконами разных религий и сталкивающий символы веры разных обществ, был обречен на встречу с иконоборцами. Первой, как ни забавно, выступила компания Coca-Cola, пытавшаяся судиться с Косолаповым из-за незаконного, с ее точки зрения, использования логотипа. Последними пробудились отечественные иконокласты, сменившие веру, но не изменившие истовости верования: «Икону-икру» снимали с выставки «Русский поп-арт» в Третьяковской галерее по требованию православных активистов, «Coca-Cola — моя кровь» уничтожили на выставке «Осторожно, религия!» в Сахаровском центре. И эта непредусмотренная бинарная оппозиция выстраивается уже в сугубо политическом поле: холодное аналитическое искусство Александра Косолапова вдруг вызывает горячую чувственную реакцию.

«Александр Косолапов. Ленин и кока-кола».
Московский музей современного искусства
на Гоголевском бульваре,
с 29 ноября 2017 года — 11 февраля

Мыло миллениальное

Татьяна Алешичева о возвращении почтенного тележанра

Канал The CW перезапустил легендарную мыльную оперу 1980-х «Династия» для нового поколения зрителей. Weekend вспомнил еще пятерку качественных «мыльных» шоу последних лет

Сериал «Династия» был придуман в заповедные 1980-е каналом ABC как ответ успешному «Далласу» на CBS. Живописуя роковые страсти людей со сложными прическами в богатых интерьерах, условные «Первый» и «Второй» каналы Америки бились тогда за то, чтобы продать домохозяйкам больше зубной пасты и бытовой химии. Ради этого оба шоу переняли и упростили стиль великих голливудских мелодрам 1950-х вроде «Гиганта» Джорджа Стивенса или «Слов, написанных на ветру» Дугласа Сёрка о тайных пороках в семьях богатых нефтяников. В зачине оригинальной «Династии» седовласый миллионер женился на секретарше, ту немедленно начинали травить его взрослые дети, пока во втором сезоне не появлялась их мать, патентованная стерва в исполнении Джоан Коллинз: пепел ее сигарет был пеплом империй, фирменным стилем — вцепиться в волосы соперницы в яростной «кошачьей драке». У телевизионного «мыла» всегда была собственная грамматика. Сводилась она к тому, что даже спиной к телевизору можно было ничего не упустить: одни и те же ситуации, где герои мусолят свои нескладывающиеся отношения, проигрывались не по одному разу и на эту карусель можно было запрыгнуть в любой момент. Но в нулевые казавшееся вечным царство мыльных опер растаяло как дым. Сменилась экономическая модель, домохозяйки превратились в работающих женщин, долгоиграющие мелодрамы-шарманки были вытеснены актуальными реалити-шоу, а на ТВ пришли качественные драмы. Мыльный пузырь лопнул, ушла эпоха. Но спустя некоторое время выяснилось, что эту песню не задушишь, не убьешь: не иначе, прекариат соскучился по простым немудреным зрелищам. Начались попытки возродить мыльное царство. С «Далласом» пару лет назад вышла осечка, да и новая «Династия» навскидку тоже выглядит не то чтоб легендарно: переснятая на голубом глазу с тем же сюжетом, нынче она кажется самопародией. В новой «Династии» есть аристократка и богачка в руках соперницы-злодейки, война бизнесов, личный шофер и фамильный сервиз, нефтяные вышки — и даже «кошачьи драки» между свирепыми тетками тут как тут. Но чего-то все же недостает. По-видимому, нельзя просто так взять и войти в ту же воду — даже такая с виду простецкая драматургия, как «мыло», требует творческого переосмысления, и примеры его — существуют.

Империя

Рэп-мыло с песнями и плясками, самое успешное шоу на нынешнем ТВ

Король рэпа Люциус Лайон когда-то торговал кокаином на улицах, а теперь не знает, куда девать деньги, штампует модные лейблы и подумывает о наследнике своей R'n'B-империи, но никак не может выбрать из трех сыновей. Один зануда-бухгалтер, другой — сопляк и охламон, а третий — гей, позор семьи, как всегда считал солидный рэпер. За грехи молодости Люциуса на нарах чалится его жена Куки с апломбом несостоявшейся дивы и гениальным продюсерским чутьем — и у нее, конечно, есть собственное мнение о том, кто, кому и сколько должен в этой семье. Отсидев срок, Куки вступает в битву за наследство.

Это упоительное зрелище неожиданно стало самым рейтинговым шоу эфирного вещания, а его душа, вульгарная и восхитительная Куки — новой любимицей публики и звездой ТВ. Сказка про богатых и знаменитых, которая не чурается сантиментов и энергично прет на рожон с песнями и плясками, блестками и пальбой, пришлась ко двору во времена, когда в поп-культуре окопалось бесталанное, но дико энергичное семейство Кардашьян — это практически их история, просто переосмысленная в художественной форме. Главный нерв и парадокс рэп-культуры тут тоже обозначен честно: вчерашний уличный боец, сделавший имя на песнях о том, как ходит по кромке закона, и тороватая звезда с миллионными контрактами — все еще один и тот же человек?

«Empire», Fox, 2015–

Нэшвилл

Кантри-мыло, которое чуть не умерло, потеряло главную героиню, но возродилось на другом канале в качестве национального достояния

Карьера сорокалетней королевы кантри Рейны Джеймс знала взлеты и падения, а когда интерес к кантри пошел на убыль даже в колыбели жанра Нэшвилле, для поддержки концертного тура ей пришлось ангажировать амбициозную певичку, кумира школьниц Джульетту Барнс. На протяжении пяти сезонов Рейна и Джульетта дружили и враждовали, находили и теряли мужей и любовников и без конца сочиняли песни по мотивам всех этих событий. Мужья и любовники — все как один музыканты — занимались тем же. Придумавшая сериал Кэлли Хоури (она же сценаристка «Тельмы и Луизы», знающая про женскую драму все) сделала из него что-то вроде морального камертона или скаутского пособия о том, как в любых жизненных ситуациях поступать правильно. Что бы ни случалось с персонажами — запой, развод, рехаб или незапланированная беременность,— они всегда подымаются с колен, собирают себя по кускам и делают безупречное заявление для прессы.

Когда эфирный канал ABC из-за падения рейтингов закрыл сериал, базирующийся в Нэшвилле кабельный CMT выкупил шоу и не дал ему пропасть. «Нэшвилл» продолжился даже после того, как у исполнявшей главную роль Конни Бриттон появился другой ангажемент — и ее героиня погибла в автокатастрофе. Это всегда было отличительным свойством «мыла»: актеры приходят и уходят, а шоу продолжается.

«Nashville», ранее ABC, теперь Country Music Television, 2012–

Это мы

«Мыло», которое успешно прикидывается высокохудожественной драмой

Сюжет, как обычно, крутится вокруг «мысли семейной». У близнецов Кевина и Кейт есть сводный брат Рэндалл: папаша-торчок подкинул чернокожего младенца на порог пожарной части и его усыновило белое семейство в лучших традициях рождественских историй. Спустя годы Кевин превратился в сериального актера одной роли, Кейт — в закомплексованную толстуху, а Рэндалл нашел биологического отца на последней стадии рака. Параллельно истории «большой тройки» рассказана история их родителей — вся эта дэвид-копперфильдовская сказка о появлении на свет и взрослении тройни.

Авторы «Плохого Санты» Гленн Фикарра и Джон Рекуа смастерили этот сериал из все того же знакомого конструктора — заезженных приемов мыльной оперы, но сделали это так, будто в своей жизни не видели ни одной. По сути дела, они в каждой серии переизобретают жанр заново. Достигается это проверенным методом отстранения и смешением в одном рассказе разных точек зрения: если в самый душещипательный момент герой вдруг отпустит циничную шутку, шоу покачнется и устоит, а вам не будет стыдно, если, ухмыльнувшись, вы расплачетесь. Хемингуэй называл это «немного иронии и немного жалости». Итогом становятся растущие рейтинги, премия «Эмми» за лучшую драму в прайм-тайм и реабилитация «мыла» как такового.

«This Is Us», NBC, 2016–

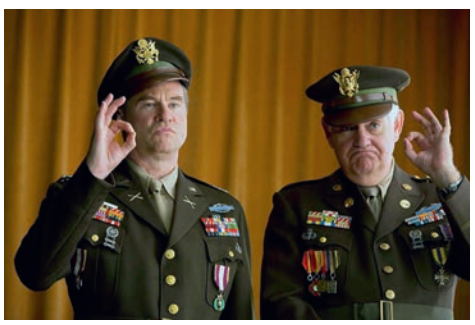
Девственница Джейн

«Мыло» с насмешливым постмодернистским прищуром, латиноамериканская теленовелла, которая не стыдится своего происхождения

Юная Джейн Виллануэва строго блюдет девичью честь до брака, в который собирается вступить в скором времени, но во время планового визита к гинекологу с ней случается конфуз: перепутав с другой пациенткой, ей проводят искусственное оплодотворение. Отец ребенка — миллионер и владелец шикарного отеля, в котором Джейн работает горничной.

Телеканал The CW (своего рода канал «Подружка» для женщин моложе сорока) добавил к трансляции «Джейн» дополнительную опцию — испанскую звуковую дорожку. Расчет был на то, чтобы приобщить к почетному жанру теленовеллы зрительниц из второго-третьего поколения испаноязычных иммигрантов, а заодно и девственную аудиторию без мыльных опер в анамнезе. Здесь есть все стандартные повороты таких шоу — похищение ребенка из роддома, удивительные встречи давно потерянных родственников, внезапные смерти персонажей, которых непонятно, куда девать, если сюжет зашел в тупик, и их чудесные воскрешения в виде невесть откуда взявшихся близнецов. Здесь только родившийся младенец через пару серий уже ходит в школу, а звезду испаноязычных теленовелл играет актер, который и в самом деле ею является. Редкое шоу, которое, не будучи откровенной пародией, весело ездит на всех канонических приемах «мыла» и гордится этим — и в этом его бесконечное обаяние.

«Jane The Virgin», The CW, 2014–



Трофеи Вавилона

Пародия на классическую мелодраму, сделанная от большой любви к ней

Техасский землевладелец Джонас Мохаус подбирает в чистом поле одиноко бредущего мальчишку и решает его усыновить. Найденыш по имени Девон и дочь Мохауса Синтия с детства проникаются друг к другу глубоким чувством, которому препятствует их формальный статус «брата и сестры». Чтобы убежать от великой любви, Девон уходит на войну, а потом возвращается в родное гнездо женатым на фарфоровой кукле (буквально). Тем временем на одном из участков Мохауса-старшего находят нефть и семья сказочно богатеет. Между Синтией и Девоном все-таки случается связь, он снова покидает дом, и сводная сестра остается управлять гигантским состоянием отца и числит Девона заклятым врагом. Подросший сын Синтии решает жестоко отомстить Девону за погубленную жизнь матери, не подозревая, что мстит собственному отцу.

Голливуд страшно любит сочинять оммажи сам себе. Объектом пародии в мини-сериале, под завязку набитом звездами (Уилл Феррелл, Тоби Магуайр, Тим Роббинс, Джессика Альба, Кристен Уиг), стала не только пресловутая грамматика мыльной оперы, но большой голливудский стиль и семейная сага как таковые. Стеб начинается с тех самых «Гиганта» и «Слов, написанных на ветру» и задевает по касательной едва ли не всю историю Голливуда за полвека: тут и «Унесенные ветром», и «Охотник на оленей», и «Поющие в терновнике», и вся мыльная телеклассика 1980-х. В какой-то момент комедиантка Кристен Уиг появляется в кадре с прической как у Кристал из «Династии» — и тут становится по-настоящему больно: мы воочию наблюдаем, как замыливались мелодраматические стандарты большого кино, отданные на откуп телевизионным историям с продолжением.

«The Spoils Of Babylon», IFC, 2014

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
242 | Театральный Сезон 2017/2018
Государственный академический Большой театр России
Большой театр
1776
The State Academic Bolshoi Theatre of Russia
CREDIT SUISSE
Генеральный спонсор Большого театра*
21, 23, 25, 27 ФЕВРАЛЯ
ПОСЛЕДНИЕ СПЕКТАКЛИ
СОВМЕСТНАЯ ПОСТАНОВКА С АНГЛИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ОПЕРОЙ И НЕМЕЦКОЙ ОПЕРОЙ, БЕРЛИН
Бенджамин Бриттен
БИЛЛИ БАДД
ОПЕРА В ДВУХ ДЕЙСТВИЯХ
ЛИБРЕТТО Э. М. ФОРСТЕРА И ЭРИКА КРОЗЬЕ ПО ПОВЕСТИ ГЕРМАНА МЕЛВИЛЛА «БИЛЛИ БАДД, ФОР–МАРСОВЫЙ МАТРОС»
Дирижер–постановщик – УИЛЬЯМ ЛЕЙСИ
Режиссер–постановщик – ДЭВИД ОЛДЕН
Нотный материал предоставлен издательством Boosey & Hawkes Music Publishers Limited
МУЗЫКАЛЬНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ– ГЛАВНЫЙ ДИРИЖЕР БОЛЬШОГО ТЕАТРА ТУГАН СОХИЕВ
Фото: Дамир Юсупов, Большой театр
16+
ПОПЕЧИТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ БОЛЬШОГО ТЕАТРА
ПРИВИЛЕГИРОВАННЫЙ ПАРТНЕР БОЛЬШОГО ТЕАТРА
ОФИЦИАЛЬНЫЕ СПОНСОРЫ БОЛЬШОГО ТЕАТРА
ОФИЦИАЛЬНЫЙ ОТЕЛЬ БОЛЬШОГО ТЕАТРА
СПОНСОР БОЛЬШОГО ТЕАТРА
ИНФОРМАЦИОННЫЕ ПАРТНЕРЫ БОЛЬШОГО ТЕАТРА
www.bolshoi.ru Bolshoitheatre Bolshoitheatre
@BolshoiOfficial @Bolshoi_theatre Bolshoi
www.media.bolshoi.ru
Билеты: 8 (495) 455-5555
РЕКЛАМА

Сарданапал на троне св. Эдуарда

Почему в борьбе английского короля с пуританами родились принципы классического мужского костюма

Сергей Ходнев

Лев X Эразм Роттердамский Иоанн Лейденский Карл V Маттиас Флациус Генрих Шютц Кардинал Ришелье
Ульрих Цвингли Лукас Кранах Старший Жан Кальвин Филиппо Нери Карл Клузий Питер Санредам Гуго Гроций Виллем Клас Хеда
Мартин Лютер Генрих VIII Игнатий Лойола Филипп I Шарль Кюзен Франсуа Равальяк Иоганн Валентин Андреэ

1517

DIOMEDIA / UNIVERSAL IMAGES GROUP

Джон Лич. «Вечерний прием во времена Карла II», 1850 год

1666

Как известно, закоперщиками английской Реставрации были вовсе не англикане-ортодоксы, возмущенные одиннадцатилетним засильем пуритан, и уж тем более не запуганные отщепенцы-католики. Нет, это были прежде всего сами пуритане, которым восстановление монархии нужно было для конфессиональных надобностей. Они порушили епископальное устройство, дали церкви взамен старых, еще тюдоровских установлений изрядную свободу — но им же эта свобода и вышла боком: вместо чаемого кальвинистского единообразия в Духе и Истине явилось небывалое множество сект и деноминаций. С которыми новый король (а значит, и наконец-то новый глава церкви Англии) авось разберется как следует.

Кого они получили вместо безупречного объединителя — тоже все знают. Короля доброго, безалаберного и гомерически распутного, тороватого покровителя угнездившихся при дворе отъявленных либертинов, по-детски тянущегося ко всему нарядному, веселому, зазывному. Конечно, при нем торжественно вернулись епископы. Конечно, постные и никакой приятности в обхождении не сулящие пресвитерианские нравы оказались не к месту. И новая церковная реформа восстановила англиканские порядки. Те, кто не был с этим согласен, подлежали извержению из рядов духовенства; как будто ради пущей обиды дедлайном для этого самоопределения выбрали черную-пречерную для реформатского сознания дату — День св. Варфоломея 1662 года, 190-летие Варфоломеевской ночи.

Пуритане, которых с этого момента стали звать «нонконформистами» или «диссентерами» (то есть в любом случае несогласными), были возмущены, как и их даже умеренные сторонники. Возвращение какого-никакого, но хоть протестантского церковного устройства — это еще полбеды. Но король открыл театры, эти ужасные блудилища, и даже разрешил, вопреки всякой благопристойности, играть женщин — женщинам. Он выписывал для своего увеселения всяких бездельников с континента. Наконец, его двор тратил непристойные суммы ради того, чтобы одеваться точь-в-точь как гадкие паписты, окружающие молодого тирана, правящего Францией. Это не только безбожно, но и антинародно, антигосударственно, в конце концов.

Насчет одежды эту массовую ярость, в которой много даже не ханжества, а просто недоумения, понять, кажется, легче всего. Французский мужской костюм конца 1650-х и начала 1660-х годов странным образом производит впечатление безудержной барочной избыточности и некоторой кургузости одновременно. На нижнюю рубашку — еще одна, широченная, а на нее иногда другая, чулки тоже в два слоя, поверх и так свободных панталон — совсем уж юбкообразные и тоже короткие ренгравы с обильной бахромой; сверху — намеренно куцеватая курточка, из-под которой обильно и буйно выпрастывается рубашка, и широкий воротник. И все это в кружевах и лентах, все капризничает и переливается, фестончики, все фестончики; ни одной внятной линии, никакого намека на архитектонику. Это за рабское служение католическим модам, за их латинское женоподобие, за подражание антихристу-Людовику, говорили проповедники, карает нас Бог. И действительно: на пятый год после того, как Карл II был провозглашен королем, в 1664-м, началась крайне непопулярная война с Голландией. В 1665-м — чума. В 1666-м, страшном тремя апокалиптическими шестерками, в Лондоне приключился Великий пожар.

> «Король объявил вчера в Совете свое решение установить манеру одеваться, которую он никогда не переменит. Не совсем понимаю, каким образом, но это научит дворянство рачительности, и это хорошо»
>
> Из дневника Сэмюэла Пипса, 8 октября 1666 года

Хендрик Данкерт. «Королевский садовник Джон Роуз преподносит королю Карлу II ананас», 1675 год

DIOMEDIA / ALAMY

«Король Карл II играет в „охоту на мотылька“, пока Голландия атакует английский флот, стоящий на верфях, 1667 год». «Иллюстрированная история Англии Касселла», 1873 год

Ян Амос Коменский Кристина Шведская Дмитрий Тверитинов Екатерина II
Клод де Сомез Али Уфки Феофан Прокопович Энн Ли
Маргарет Фелл Готфрид Вильгельм Лейбниц Джордж Уайтфилд

Карл II

JOHN MICHAEL WRIGHT/NATIONAL PORTRAIT GALLERY

Джон Майкл Райт. «Портрет Карла II в мантии ордена Подвязки», 1660–1665 годы

Король Англии с 1660 года (номинально – с момента казни его отца Карла I в 1649 году) до своей смерти в 1685 году, с именем которого связана эпоха свободных нравов и расцвета искусств, пришедшая на смену конфессионально окрашенным строгостям кромвелевской республики. Восстановил в правах консервативное англиканство, но на смертном одре тайно принял католичество.

Через месяц после пожара, когда зловерных французских блудников не винили разве что в том, что они лично поджигали английскую столицу, Карл принял трудное решение. Это был не просто очередной закон против роскоши, каких со Средневековья повсюду выходило немало, и всюду мода находила лазейку для все новых, уже неподзаконных излишеств. Нет, королевский эдикт вводил принципиально новый стандарт — и даже принципиально новый фасон — придворной одежды. Это и мало, и много, учитывая, что к тому моменту всем было понятно: при любых законах люди стараются подражать придворному наряду — уж как могут. Самое важное — это была (так, по крайней мере, все были тогда убеждены) самобытная костюмная инновация, призванная именно что порвать с французским диктатом.

Речь шла о том, что мужчинам при дворе отныне полагалось носить вест — приталенное и облегающее одеяние, застегивающееся спереди, с полами до колена или чуть выше, выглядящее наконец-то вполне рационально и пристойно. Поверх надлежало надевать распашную верхнюю одежду: иными словами, вест — это то, что в стандартном мужском костюме XVIII века (и в нашем нормативном словоупотреблении) стало камзолом. Причем весь этот ансамбль предлагалось кроить не из импортного бархата или шелка, а из старого доброго английского сукна. Наряду с национальным производителем потрафили и пуританскому вкусу, потому что одежда эта, хоть и украшавшаяся бантами и лентами, должна была быть смирных темных тонов.

Современники расходятся относительно того, где же именно король и его советники подсмотрели идею веста. Джон Ивлин утверждал, что он увидел этот предмет одежды на некоем венгерском дворянине во время своих путешествий по Европе. Другие предположили, что придворным запал в душу становой кафтан русского посла. Третьи — и их было большинство — считали вест ориентальной штучкой, то ли персидской, импортированной в Лондон стараниями дипломата-авантюриста Роберта Ширли, то ли турецкой. Но занятно, что в любом случае все версии сходятся на мотиве экзотики, который звучит достаточно мощно для того, чтобы конкретные географические подробности отходили на второй план. Венгрия, Московия, Персия — для Северной Европы XVII века это все немножко азиатчина, и она, с одной стороны, не то чтобы очень благонадежна в смысле моральных обертонов. Главные ориентальные «скрепы», которыми упивается хотя бы тот же театр английской Реставрации (а вполне возможно, что именно театральные костюмы были «эскизом» будущего камзола),— роскошь, пышность, взбалмошность и сластолюбие. С другой стороны, тут чалма опять выходила симпатичнее, чем папская тиара. Чужестранную одежду в этот момент казалось возможным приспособить к скромным, набожным и патриотичным нравам, а вот развратные галльские тряпки — видимо, уже не очень.

Казалось бы, велика важность — перелицовка придворного костюма, но это оказалось чуть ли не главным событием в истории европейской мужской одежды со времен входа штанов во всеобщее употребление. Новинку немедленно переняли во Франции — хотя находятся и те, кто считает, будто это «король-солнце» был настоящим автором идеи, а Карл просто надул подданных, выдав им очередной писк французской моды за акт патриотизма. Есть и те, кто примирительно полагает, что оба монарха просто одновременно ухватили носившийся в воздухе тренд.

Карл думал, что введенный им в октябре 1666 года стандарт будет вечным. Разумеется, в частностях он ошибся. Носить английское сукно — это действительно на века стало для многих поданных британской короны (да, впрочем, и не только) своеобразным манифестом приверженности правам и свободам, в том числе и религиозным. Но пуританские темные тона в любом случае быстро вышли из употребления, до самого XIX века уступив место самому невероятному чередованию общеизвестных и вновь изобретенных оттенков. Да и покрой менялся тоже.

Но сам принцип — он ведь не менялся. Есть штаны, короткие ли, длинные ли, есть верхнее одеяние, полы которого, правда, укорачивались и укорачивались. И есть пресловутый вест — у которого в середине XVIII века пропали рукава, а полы тоже укорачивались, пока наконец не появился нынешний жилет. А с ним и классическая «тройка», представлением о надлежащей (то есть темной) расцветке которой мы обязаны опять-таки английским щеголям, но уже романтической эпохи. Часто говорят, что денди времен Браммела черными фраками наводили на себя бонтонную чайльд-гарольдовскую угрюмость. Однако, вполне бунтарским образом вводя в моду — супротив попугайности тогдашнего придворного дресс-кода — цвет скорби и мудрости, они еще и напоминали о тех временах, когда любители черных одежд окоротили королевские притязания плахой и топором.

10 АЛЬБОМОВ ВЫБОР БОРИСА БАРАБАНОВА

альбом EVERYDAY IS CHRISTMAS
исполнитель **SIA**
издатель Warner Music

Ноябрь — время рождественских альбомов, обозревать которые обычно мало кому приходит в голову. Это ведь чаще всего сборник стандартов, которые записывают скорее от безысходности, чем от радости. Но Сиа Фурлер и ее альбом «Everyday Is Christmas» — совсем другое дело. Все песни она написала сама, то есть вполне в своем фирменном экстравагантном духе бросила вызов многолетней традиции. Вы привыкли слушать свои «Run Rudolph Run» и «Santa Claus Is Coming To Town»? Так вот вам десять моих собственных песен, которые будут в это Рождество конкурировать со стандартами на равных, потому что я — одна из самых популярных певиц и сочинительниц нынешнего десятилетия. Неизвестно, будут ли рождественские песни Сии крутить в универмагах на рождественских распродажах через десять или 50 лет (если через 50 лет еще будут распродажи в универмагах). Пока слышно, что в альбоме «Everyday Is Christmas» много света, столько в ее песнях не было очень давно.

альбом THE THRILL OF IT ALL
исполнитель **СЭМ СМИТ**
издатель Universal

Альбом «In The Lonely Hour» (2014) принес Сэму Смиту четыре Grammy, за песню «Writing's on the Wall» из последнего «Джеймса Бонда» он получил «Оскар». Все это — к 23 годам. В таком возрасте такой груз непросто держать на плечах. Запись альбома «The Thrill Of It All» Сэм Смит назвал «возвращением в водоворот, из которого только что вынырнул». Сэм Смит вернулся похудевшим и набравшимся сил. Новый альбом полон личных переживаний и неизбежных для открытого гея размышлений на тему жизни в чужом теле. «The Thrill Of It All» — ровная работа певца, который всерьез нацелился на трон Джорджа Майкла, а пока впечатляюще выступает на поле госпела и явно переслушивает по ночам Antony And The Johnsons. В записи песни «Pray» принял участие давно вышедший из моды Тимбаленд — и неизвестно, кто здесь кому нужнее. У Сэма Смита настолько сильный и богатый голос, что о достоинствах и недостатках песен даже не задумываешься. Это в высшей степени комфортная среда. Как будто заснул на заднем сиденье авто представительского класса — надежно пристегнутым, конечно.

альбом LILIES
исполнитель **МЕЛАНИ ДЕ БИАСИО**
издатель Le Label

Предыдущий альбом бельгийской артистки Мелани Де Биасио «No Deal» (2013) на цифровых платформах продавали под маркой «джаз», теперь ее музыку относят к «альтернативе». Это слово в классификации iTunes возникает всегда, когда музыкант выходит за рамки квадратного попа, песен с электрогитарами и солирующего саксофона. Здесь у цифровых продавцов наступает ступор, совсем как у их физических предшественников, когда они сталкивались с чем-то по-настоящему неописуемым. В российской соцсети «ВКонтакте» пишут, что новый альбом госпожи Де Биасио «атмосферный», что дает весьма слабое представление о музыке. Мелани Де Биасио пишет прекрасные песни, буквально сковывающие по рукам и ногам. Такой обезоруживающий эффект производили записи покойной ныне Лхасы де Селы. Альбом «Lilies» — это, вероятнее всего, попнуар с тончайшим джазовым привкусом и блюзовой нервной системой. Впрочем, можно сказать о нем и то, что певица записала его в одиночестве, запершись в студии, выключив свет и оперируя минимумом инструментов. Иногда — только голосом, флейтой и щелчками пальцев. Невероятная красота.

альбом LOW IN HIGH SCHOOL
исполнитель **MORRISSEY**
издатель BMG

После остроумного байопика «Англия принадлежит мне», в котором Стивен Патрик Моррисси предстал перед зрителем закомплексованным нелюдимым юношей, особенно приятно включить 11-й сольный альбом экслидера The Smiths и услышать голос, символизирующий полный контроль. Мальчишка с топором на обложке держит в руках плакат с надписью «Руби монархию», открывающая альбом песня «My Love I'd Do Anything For You» начинается с увесистых аккордов электрогитары, в целом тексты песен либо повествуют об эротических фантазиях автора, либо содержат протестные послания самого разного рода. Британские журналисты обсуждают тексты песен с названием «Девушку из Тель-Авива не поставить на колени» и «Кто защитит нас от полиции», фанаты в соцсетях спорят, «вернулся» ли Моз или все же «промахнулся». Для слушателя, который не жил последние 35 лет «внутри этого имени», а смотрел со стороны, Моррисси остается прежде всего главным хранителем британской традиции сочинения песен. Что бы он ни сочинял, рок-боевик, поп-шлягер или клезмер, он делает это так, как могут только в Англии, и среди своих соотечественников, пожалуй, лучше всех.

альбом THINGS
исполнители
КУБИКМАГГИ
издатель Kubikmaggi

Еще летом вышел в свет третий альбом петербургского джазового коллектива «Кубикмагги», в котором у руля стоит дочь лидера «Аукцыона» Леонида Федорова — Ксения. Группа существует уже 14 лет. Альбом «Things», как и предыдущие два, записан в норвежском городе Олесунн, на студии Ocean Sound Recordings. В создании музыки участвовал московский саксофонист Александр Тимофеев. Зная историю записи альбома, при желании вполне можно обнаружить родство новой музыки группы с экспериментами скандинавов The Thing и EST. Но лучше абстрагироваться от всей лишней информации, в том числе и от генеалогического древа Ксении. «Things» — во-первых, очень профессиональная и вдохновенная запись, ее невозможно не дослушать до конца. Во-вторых, это текучий джаз, пересекающийся с популярной академической музыкой. Ну а если искать параллели с музыкой Федорова-старшего, то это, скорее всего, узнаваемый нерв, характерный для «Аукцыона» болезненный драйв, который редко, но регулярно проступает в музыке дочери и ее товарищей.

альбом STRANGER
исполнитель **ЯНГ ЛИН**
издатель YEAR0001

Как и победитель «Евровидения-2009» норвежец Александр Рыбак, Янг Лин родился в Белоруссии, только на десять лет позже, в 1996 году. И тоже переехал с семьей в Скандинавию в четыре года. Правда, семья Юнатана Леандёра Хостада (настоящее имя Янга Лина) выбрала Стокгольм: его родители — шведы по национальности. После недавней смерти Лила Пипа внимание к юным звездам клауд-рэпа особое, тем более к тем, кто, подобно Лилу Пипу, находится в сложных отношениях с запрещенными веществами и собственной психикой. 21-летний Янг Лин из их числа. Однако третий альбом, «Stranger», вряд ли может служить иллюстрацией к словам Янга Лина о том, что он «поклоняется тьме», или навести кого-либо на мысли о суициде. Это расслабленная и мечтательная музыка, в которой в умеренных дозах присутствует автотюн и трэповый треск. Сам артист определяет свой стиль как «грустный рэп», но в тоску грусть на этом альбоме переходит все же не слишком часто. От гипнотической монотонности его музыки можно даже научиться получать удовольствие. Автор этих строк вполне представляет себе семейное прослушивание таких треков, как «Metallic Intuition» и «Agony». С поправкой на специфику текстов, конечно.

альбом В ДИАПАЗОНЕ МЕЖДУ ОТЧАЯНИЕМ И НАДЕЖДОЙ
исполнители
ПОРНОФИЛЬМЫ
издатель Союз Мьюзик

В год, когда рэп на русском языке занимает в России одновременно нишу мейнстрима и нишу контркультуры, кажется, что рок на русском языке — нечто безобидное, мало кому интересное и мало на что влияющее. И вдруг поступают сообщения, что в регионах запрещают концерты группы из Дубны «Порнофильмы». Музыканты не дают сенсационных интервью, ведут здоровый образ жизни, а если матерятся, то всегда к месту, потому что иначе никак не объяснить происходящее вокруг. «Порнофильмы» — первая за долгое время рок-группа, в чьих текстах — не призрачная метафорическая Россия, не какая-то выдуманная «святая Русь», а реальная суровая жизнь. «Всем командирам по новой квартире, плачущей матери цинковый гроб. В золоте по неспасенному миру русский Христос идет!» Там все так, пленных они не берут. Читать тексты «Порнофильмов» глазами — то еще удовольствие. Но в том, как их исполняет Владимир Котляров, есть пробирающее летовское отчаяние — в последний раз панк-группа так встряхивала страну, кажется, еще когда начинали Lumen.

альбом ТЫЧЕГОТАКОЙ-СЕРЬЕЗНЫЙ
исполнитель **ГРИГОРИЙ ЛЕПС**
издатель Nikitin Music Group

Новый альбом Григория Лепса начинается сразу с заглавного дуэта с Тимати. Это стопроцентный патриотический гимн, партнер главного героя в своих куплетах очень подробно объясняет, почему жить в России хорошо. Есть ощущение, что парни из «Порнофильмов» убедительно ответили бы на каждую строчку. Но интересно другое. В то же самое время «ТыЧегоТакой-Серьезный» — тщательно выделанный стадионный гитарный рок, вызывающий в памяти лучшие времена Gorky Park. Такой музыки никто, кроме Лепса, у нас не пишет. Удивительно все-таки, как много разной музыки он слушает. В этих песнях есть все, что располагается между Дэвидом Кавердейлом и Red Hot Chili Peppers. Будучи профессиональным барабанщиком, Лепс очень много внимания уделяет записи ударных, в песнях несложно расслышать фанк-рок с точными фанковыми гитарами. Альбом пышет «фирменным» звуком. «Снега», «Аминь» и еще пара вещей напоминают о том, что он пел когда-то песню «Натали». Есть кавер на «Терминатора» Сергея Шнурова. В целом по формальным признакам новый Лепс — это рок. Правда, некоторые из текстов легче воспринимать, если убедить себя, что это какой-то иностранный язык.

альбом БОЛЕЕ ЛУЧШЕЕ
исполнители **БОМЖ-ТРИО**
издатель Бомж-трио

Для Ношревана Тавхелидзе (Blast, Nash Albert), Сергея Воронова (Crossroadz) и Николая Сарабьянова (Therr Maitz, Баста) «Бомж-трио» — любимый сайд-проект, в котором они, во-первых, могут петь по-русски и, во-вторых, позволить себе любую небрежность. Образ бомжей, подкрепленный снятыми на айфон клипами, оправдывает недодуманные мысли и недописанные припевы. Ну и действительно, если есть удачный рифф, зачем тратить время на припев? Лучше еще налить. В то же время «Бомж-трио» — это чуть ли не единственная в Москве группа, которая оперативно реагирует на все городские новости и новшества. Ну кто еще споет нам про реновацию и ремонт улиц, да так, чтобы было одновременно и грустно, и смешно, и не по-кавээновски? Но бог с ней, с сатирой: «Бомж-трио» — редкий случай отечественной группы, играющей качественный акустический рок, обходясь только гитарами. На концертах их собственный материал на злобу дня разбавляется отточенными кавер-версиями классики рока. Презентация альбома «Более лучшее» состоится 30 ноября в клубе «Шестнадцать тонн».

альбом NAT KING COLE & ME
исполнитель **ГРЕГОРИ ПОРТЕР**
издатель Decca Records France

Грегори Портер — один из немногих джазовых певцов нашего времени, которым удалось выйти за рамки джазового гетто, пусть и отсвечивающего золотом, пусть и с бархатными креслами. Два года подряд Грегори Портер выступал на фестивале в Гластонбери, его слушали на главной сцене фестиваля, это уже далеко не нишевый артист. В прошлом году его голос зазвучал в EDM — в треке Disclosure «Holding On». Но в «номерных» альбомах Грегори Портера царит традиционный джаз. В прошлогоднем «Take Me To The Alley» он прощался с умершей от рака матерью и признавался в любви к малышу сыну. В новом альбоме он чествует великого Ната Кинга Коула. Он делает это как положено — с богатыми оркестровыми аранжировками, не пропуская ни одного шлягера из каталога классика. Ни на одну секунду Грегори Портер не отступает от канона, нет ни намека на то, что он хочет что-то в этом каталоге переосмыслить или прочесть заново. Интриги в этом мало, но удовольствия вдоволь. В следующем году, 21 апреля, Грегори Портер выступит в Москве.

Гламур возвращенный

Юбилей By Kilian

Елена Стафьева

Парфюмерной компании, созданной и возглавляемой Килианом Хеннесси, исполнилось десять лет. За эту декаду у нас появился не просто еще один громкий парфюмерный бренд, но эталонная история успеха, которую уже сейчас можно помещать в учебник. И она далеко не так проста, как кажется

На столе в кабинете Килиана Хеннесси расставлены лабораторные флаконы с образцами ароматов и разложены бумажные блоттеры: «Здесь три ветивера,— Килиан указывает на ближайшую группу,— это разные модификации одной композиции. Вот сандал, законченный на этой неделе, те пять — из новой коллекции, которую я запущу в следующем сентябре, а вон там — просто идеи, ничего такого, что я бы хотел непременно сохранить, но иногда я к ним возвращаюсь и думаю: „о'кей, посмотрим", на некоторых задерживаюсь, но если не зависаю на чем-то по-настоящему, то просто выкидываю их. То есть тут несколько уровней — и вот те, например, все еще имеют некоторый шанс». В целом получилось краткое описание того, как работает арт-директор парфюмерного бренда.

Флаконы, на которые мы смотрим,— это для него примерно то же самое, что скетчи для фэшн-дизайнера. Более того, так же, как и в фэшн, он использует мудборды, создавая свои ароматы, и только собрав таким образом некоторую историю из картин, фото и прочего, он идет к своим парфюмерам — как дизайнер к своей дизайн-команде. Говорит, что научился этому у Александра Маккуина, когда работал с ним над ароматом Kingdom. Тогда же понял, что не хочет больше заниматься парфюмерией для фэшн, где результат «не делает счастливым никого», и в дальнейшем будет все решения принимать сам. Килиан Хеннесси не просто создал собственный парфюмерный бренд, но, пока в 2016-м его не купил концерн Estee Lauder, он был там всем — маркетинг-директором, продакшн-директором, директором по коммуникациям и лицом бренда.

Про Килиана Хеннесси обычно пишут две вещи: «наследник Hennessy» и «гений маркетинга». И то и другое пустые штампы, более того, первое — так и просто ерунда. Дом Hennessy (вместе с купленным в 1971 году Moet & Chandon) его дед и полный тезка Килиан Хеннесси продал Бернару Арно в 1987 году — Килиану было тогда 15 лет. Он не просто никогда не был «наследником», но и вообще не испытывал особого влияния семьи в том деле, которое выбрал: «У меня дома не говорили о творче-

стве, но говорили о бизнесе, о разных рынках, о показателях качества. Я вырос не в творческой семье — в себе я открыл творческую сторону сам, когда мне было 22 года». И рассказывает дальше, как, живя в Нью-Йорке в 1990-е, каждый день до двух часов ночи составлял парфюмерные композиции. Говорит, что вел себя буквально как наркоман — как только к нему в руки впервые попало парфюмерное сырье, у него образовалась настоящая аддикция.

Что до «гения маркетинга» — это определение не бессмысленное, но совершенно недостаточное. Если свести By Kilian к маркетинговой схеме, то она будет выглядеть не слишком замысловатой: молодой французский красавец в синем бархатном пиджаке, черные и белые флаконы в лаковых клатчах (эта деталь, кстати, оказалось именно таким signature), названия, похожие на слоганы инстаграм-аккаунтов (еще до инстаграма), безапелляционная роскошь эпохи беззаботного гламура, придуманная буквально накануне ее конца. Но феномен Kilian как раз в том, что, когда эта эпоха начала схлопываться вместе с рынком американской ипотеки в 2008 году, бренд By Kilian не просто никуда не делся, а прямо-таки процвел.

Да, это, конечно, маркетинговая история. И сам Килиан говорит прямо: «Сначала история, потом парфюм», и объясняет экстремальную важность флаконов и упаковки («флакон, название и аромат для меня всегда связаны — это триптих»). И даже немного бравирует всем этим «маркетингом», рассказывая, как придумывает названия своим ароматам: Good Girl Gone Bad, Voulez-vous coucher avec Moi, Love, Don't Be Shy, Moonlight In Heaven, Liaisons Dangereuses, Typical Me. Это самые знаменитые, которые он в честь десятилетия собрал в одну коллекцию, A Night To Remember, и переиздал в своих фирменных черных лаковых шкатулках-клатчах. Но до «секси»-названий додумались многие, а сработало все это с таким эффектом только у Килиана. Так или иначе, ему удалось выстроить собственную знаковую систему и эффективную коммуникацию со своими клиентами, лояльность которых все эти годы довольно впечатляющая.

Да, тогда, в 2007 году, он поймал дух времени — той «дольче виты» — и, появившись на ее излете со своими черными флаконами и расстегнутыми на груди белыми рубашками, оказался одним из его знаков. Говоря о той эпохе гламура, Килиан приводит фразу своего учителя Мориса Роже, президента Parfums Christian Dior (при котором были сделаны такие блокбастеры, как Fahrenheit и Dolce Vita): «Парфюм должен пахнуть своим собственным временем». За этой довольно очевидной мыслью — важное понимание: привести себя в баланс со своим временем — непростая задача. Когда я аккуратно спрашиваю его, как он ощущает себя сейчас, когда тот безудержный гламур уже совсем не главный тренд, он отвечает: «Надо быть верным себе и делать то, что идет изнутри. Если завтра мне скажут, что я должен сделать какой-нибудь суровый минимализм, не уверен, что у меня получится». Возможно, его любят в числе прочего и за то, что он ностальгически напоминает о последней dolce vita.

Свою первую коллекцию он назвал тогда далеко не самым очевидным для парфюмерии образом— L'Oeuvre noir. Он продавал ее исключительно на private sale — и считал такой способ идеальным. Первые примерно 70 флаконов разошлись буквально за день, а через месяц By Kilian уже занимал шестое место по продажам в Bergdorf Goodman.

Вспоминая L'Oeuvre noir, Килиан говорит, что им двигало страстное желание поменять все, потому что ему не нравился однообразный рынок артистической парфюмерии: «Я хотел поменять даже структуру аромата. Обычно 50% композиции составляли верхние ноты, 40% — средние и 10% — базовые. Я сделал наоборот: 50% — база, 30–40% — сердце и только немного верхних нот. То есть буквально перевернул пирамиду с ног на голову. Я реально чувствовал себя так, будто бы извлекаю золото из того, что есть на рынке».

Большинство флаконов тут многоразовые — то есть можно покупать рефилы и вновь их наполнять, и это было принципиальным решением. Килиан объясняет его свойственным себе образом — не в терминах повсеместной сейчас sustainability (которым оно, по сути, и является), а в терминах любимого и родного luxury: «Моя бабушка шла со своим флаконом Guerlain в бутик на Елисейских Полях, и там ей наполняли заново. Так что для меня здесь скорее возвращение к тому, как это было еще в XIX веке. Люкс и ответственное, экономичное потребление идут рука об руку». Совсем скоро появятся новые рефилы: если сейчас требуется несколько операций в процессе замены, то с новым будет достаточно буквально одного движения — никаких раскручиваний и переливаний. И эта история, совершенно, на первый взгляд, техническая, показывает, насколько Килиан Хеннесси умеет чувствовать и выстраивать тот самый баланс между духом времени и собой.

Текст
Марина Прохорова

Bottega Veneta

FW 2017/18

И мужскую, и женскую коллекции Bottega Veneta вновь продемонстрировали на совместном показе — но именно та ее часть, которая посвящена женскому pret-a-porter оказалась в этот раз одной из лучших в сезоне.

Сам Томас Майер, комментируя коллекцию, говорил о формальных решениях и четком силуэте с сильной линией плеча, но отрицал влияние моды 1940-х. Но все же коллекция явно вдохновлена модой военного времени, в реальности очень женственной и гламурной — в тяжелые времена всем нужен был блеск и цвет. Женские наряды Bottega Veneta, даже сшитые из черной глянцевой кожи, очень напоминают о героинях фильмов военных и послевоенных лет, взять хоть «Касабланку» Майкла Кёртица, хоть «Леди из Шанхая» Орсона Уэллса. Впрочем, коллекция Bottega Veneta сделана без трагического накала, она драматична, но сдержанна — и в этом на самом деле тоже ее достоинство.

Итак, силуэты стройны, талии стянуты, плечи подчеркнуты. Они не прямые и не противоестественно широкие, а нормальной ширины, просто горделиво вздернутые. У шерстяных костюмов, пальто и кейпов внутрь головки рукава вшиты валики, у тонких платьев и трикотажных джемперов — рукава присобраны в фонарик. Жакеты костюмов из шерстяного габардина с юбкой-карандашом либо затянуты широким ремнем, либо подчеркнуто приталены. В коллекции Bottega Veneta есть и серия более кажуальных костюмов, с овальной линией плеча и мягкими жакетами, пальто и накидками в сочетании с брюками галифе — но и они напоминают нам об околовоенной эпохе.

Дорогие удовольствия

Коллекция

Bottega Veneta FW 2017/18

И все же главное, почти неожиданное уже в нынешней коллекции Bottega Veneta — элегантные шелковые платья. Шелковые, струящиеся, с фигурными вытачками и подрезами, кокетками и вшитыми корсажами. Платья подобного рода, напоминающие о нарочито старомодной манере тщательного шитья и скрупулезной отделки, на самом деле постоянно встречаются в разных коллекциях — но обычно в модифицированном и нарочито неуклюжем виде. То талия не на месте, то размер как будто не подходит, то рост не совпадает. Томас Майер не соблазнился постмодернистским подходом к старым правилам кройки и шитья — у его платьев все на месте, все сидит ловко, кантики и аппликации выполнены самым тщательным образом и пришиты крепко. Но у него и такие гиперженственные платья оказываются по-настоящему красивыми, без грана пошлости. А сверкающие вечерние платья из шелка с люрексом или отливающего металлическим блеском ламе вышли у Bottega Veneta просто идеальными. Как наряды голливудских див все тех же 1940-х, когда там блистали настоящие дивы, да и сам Голливуд был другим.

Текст
Марина Прохорова

Saint Laurent

FW 2017/18

Это вторая по счету коллекция Saint Laurent, созданная новым креативным директором Антонио Ваккарелло. И, безусловно, изменения в стиле этого модного дома уже заметны. Марка Saint Laurent по-прежнему рассчитана в первую очередь на очень молодых людей — наследников родительских состояний с умеренно бунтарскими настроениями. При этом Saint Laurent не забывает о европейских традициях, только теперь в рокерских нарядах можно обнаружить не столько воспоминания о гардеробе бабушки с бурным прошлым, сколько ассоциации с историческим костюмом — конечно же, сильно модифицированным.

Так что в коллекции есть и готического вида микроплатье с огромным, забранным тюлем декольте. И столь же готические топы с открытыми плечами и очень длинными рукавами-раструбами. И кожаные, жесткие на вид асимметричные наряды. И охотничьи ботфорты с очень широкими и оттого собранными в гармошку, спадающими ниже колена голенищами. Есть и напоминание об импрессионистах и искусстве рубежа веков — драпированные шелка с огромными брошами-цветами и вышитые на бархате ирисы. Конечно, все эти цитаты и аллюзии идут Saint Laurent на пользу, удорожая его стилистику именно в интеллектуальном смысле: подразумевается, что современная молодежь из богатых семейств все-таки для начала получает хорошее классическое образование.

Saint Laurent FW 2017/18

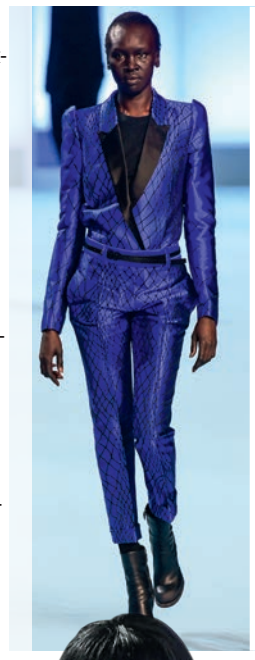
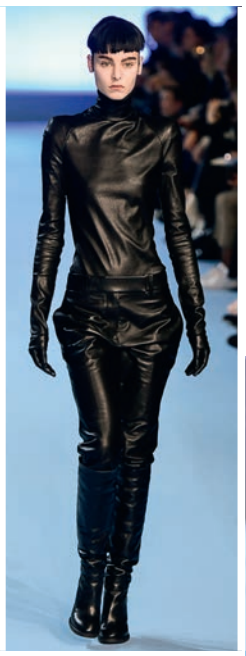
При этом Антонио Ваккарелло очень органично, бережно и любовно относится к наследию основателя марки Ива Сен-Лорана. По его словам, толчком для создания всей коллекции послужило от-кутюрное платье Yves Saint Laurent с преувеличенно пышными рукавами, созданное в начале 1980-х,— платьев таких фасонов, вообще-то, было много во времена восьмидесятнической моды. Но дизайнер ловко модифицирует и осовременивает глэм-рок, оставляя при этом неизменными его подчеркнутую нарядность и некоторую театральность. Стразы вполне логично соседствуют с дубленой овчиной, романтические блузы прекрасно сочетаются и с джинсами, и с узкими кожаными брюками, и с микроюбками. Во всех этих маленьких платьицах, больших дубленых бомберах, смокингах и узких брюках чувствуется не только вызов косным престарелым родственникам, но и дизайнерское мастерство. Вещи Saint Laurent остроумно скроены, их пропорции сложны и хорошо продуманы. Сразу видно, что это pret-a-porter, а не просто конфекция, пусть даже и высшего сорта.

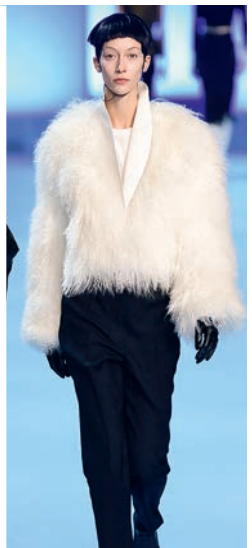
Текст
Марина Прохорова

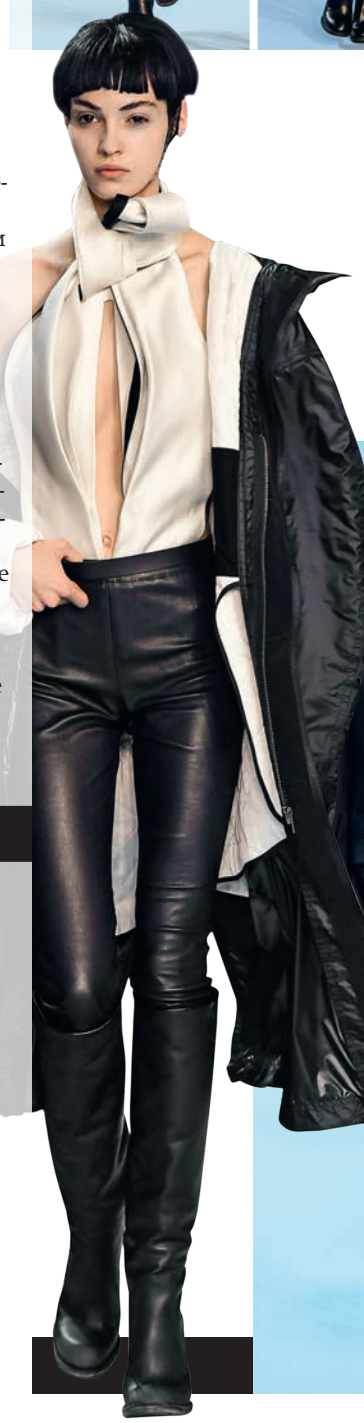
Haider Ackermann

FW 2017/18

Коллекция Haider Ackermann нынешнего сезона вполне узнаваема — в ней чувствуется личный стиль дизайнера, его умение создавать стройные гибкие силуэты без обращения к ярким гипертрофированным объемам. И в то же время на этот раз у Хайдера Аккермана изменился подход к самой конструкции вещей. Теперь у него практически нет драпировок, косого кроя и прочих усложнений. И вся красота его одежды — в простых идеальных пропорциях и графической точности каждой детали.
Это обращение дизайнера к красоте портновского искусства может быть связано и с общей тенденцией в нынешнем fashion-дизайне, и с тем обстоятельством, что Хайдер Аккерман сменил Алессандро Сартори в должности креативного директора коллекций pret-a-porter классической мужской марки Berluti. Так или иначе результат впечатляющий. Вроде бы все очень просто. Цветовая гамма скудная — основной черный плюс немного белого и совсем немного синего. Но именно благодаря этой лапидарности можно почувствовать всю изысканность кроя вещей Haider Ackermann, тот поразительный талант, с которым дизайнер создает пропорции одежды, чуть смещая их по отношению к привычной норме. В коллекции есть элегантные костюмы с басками, платья и пальто из шерсти с отделкой из меха монгольской овцы. Другой вид отделки — подчеркивающие стройный аккермановский силуэт золотые канты на жакетах. Но кроме того, в этой коллекции есть не менее удачные комплекты в рокерском духе — открытые топы, косухи, комбинезоны и узкие брюки. Рассчитанные на менее формальный образ жизни, но не в меньшей степени стройные и цельные.





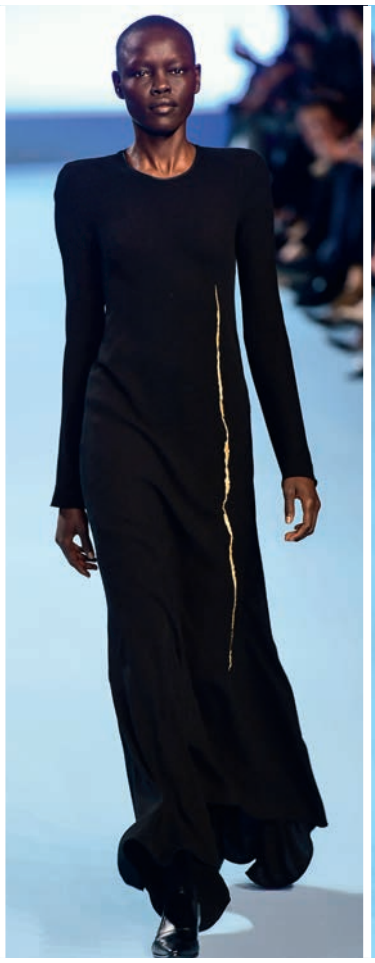


ФОТО НА СТРАНИЦЕ: ALAIN GIL GONZALEZ/ABACAPRESS/КОММЕРСАНТЪ

The Row

FW 2017/187

Марка The Row — проект сестер Эшли и Мэри-Кейт Олсен — с самого начала была американской, но ориентировалась на самый рафинированный слой этой страны: буржуазный и в то же время интересующийся мировой культурой и разбирающийся в ней. Недаром стилистика коллекций The Row всегда вызывала воспоминания о первой трети XX века — времени, когда Америка вошла в моду, а богатые американки стали героинями мировой светской хроники. Тут достаточно вспомнить историю отречения Эдуарда VIII ради Уоллис Симпсон.

В этот раз коллекция The Row в высшей степени изысканна, но в ней нет и следа несколько искусственной вычурности — это одежда для благополучной жизни в современном мегаполисе. Она очень красива, продуманна, изящна, практична, сшита из по-настоящему роскошных материалов и в то же время визуально проста. Словом, у сестер Олсен коллекция этого сезона — лучшая, их марка и так была хороша, но теперь явно выходит на новый уровень. Основа коллекции — пальто, а не романтическое манто, нужнейшая вещь для любой горожанки. И вообще — все вещи в этой коллекции The Row представляют собою предметы базового гардероба, просто в наилучшем исполнении. Цветовая гамма нейтральна — черный, белый, светло-серый и песочный. И сами вещи тоже максимально лапидарны. Брюки и длинные, чуть расклешенные юбки, жакеты-тайеры, напоминающие мужские рубашки шелковые блузы, едва приталенные длинные платья. Прекрасная верхняя одежда также сочетает простоту и рафинированность: прямые пальто и пальто под ремень, длинные и едва достигающие колена.

Текст
Марина Прохорова

Stella McCartney

FW 2017/18

Для коллекции Stella McCartney этого сезона Стелла Маккартни переработала практически все коды и стереотипы типичного британского гардероба. И сделала это любовно. В ее деконструкциях нет ни сарказма, ни даже иронии: это осовремененные версии типичной узнаваемой одежды. В коллекции есть знаменитая куртка бабур в паре с завязанным на горле платочком — чтобы никто не ошибся, немедленно вспомнив про английскую королеву. Но этот бабур вздулся до овального пальто и застежка чуть скособочилась, так что вещь вышла остромодная. Знаменитые мужские английские костюмы, сшитые портными Сэвил-Роу, превратились в дендистские полупальто-сюртуки, с сильно затянутой талией и плавным силуэтом. Так они больше напоминают военный мундир, предтечу мужского пиджака. Непромокаемые плащи-макинтоши превратились в платья-рубашки и комбинезоны из ламе. У скромнейшего, неприметного трикотажного платья — бросающиеся в глаза огромные, объемные и длинные рукава из плотного тартана. Очень модная сейчас цифровая печать по ткани изображает лошадей на фоне романтических пейзажей, совершенно в духе британской живописи XVIII века. А образ прекрасной «английской розы» у Stella McCartney создается благодаря нарядам из тонкого кашемирового трикотажа и тонкого прозрачного кружева. Кружево соединяется с более плотным материалом неровно, уступами — так образ избавляется от лишней по нынешним временам приторности. А вот английских цветочных принтов, ни садовых, ни полевых, в коллекции нет: это было бы слишком очевидно.

Дорогие удовольствия

Коллекция

Tod's

FW 2017/18

Поскольку Алессандра Факкинетти ушла с поста креативного директора женских коллекций Tod's, в этом сезоне над одеждой работала команда дизайнеров. Работа слаженной группы профессионалов очень часто бывает успешной — и с этой коллекцией Tod's тоже все сложилось.

Дизайнеры марки сосредоточились в первую очередь на верхней одежде: сезон осенне-зимний традиционно в большей степени посвящается всевозможным пальто и курткам. И к тому же Tod's изначально марка, работающая с кожей, так что и дизайнеры и мастера действительно умеют с ней обращаться. Так что основное внимание стоит обратить именно на плащи, тренчи, бомберы, аляски, стеганые куртки из цветной кожи. Это очень энергичная спортивная одежда, созданная под явным впечатлением от байкерской униформы — не в духе мотобанд на харлеях, а более цивилизованной и стильной. Именно поэтому на куртках и пальто столько блестящих металлических молний, расположенных стройными рядами, не только мотобрюки, но и удлиненные юбки-карандаши (конечно, и брюки и юбки выполнены из блестящей кожи) стянуты на контрастные по цвету шнуровки. Глянцевая кожа отлично сочетается с очень сухим по фактуре, напоминающим мятую бумагу хлопком блузок и мягким матовым бархатом, из которого у дизайнеров Tod's сшиты все те же плащи, стеганые куртки и аляски — почти такие же по фасонам, что и кожаные, но абсолютно другие по настроению. Спортивный стиль может быть очень нежным.

Север наш.
Показ коллекции BOSCOFresh в парке «Зарядье»

К зиме готовы! Вместе с Михаилом Куснировичем в стильной экипировке от российской марки BOSCOFresh краткосрочную экспедицию в Арктику совершили знаменитые спортсмены и артисты.

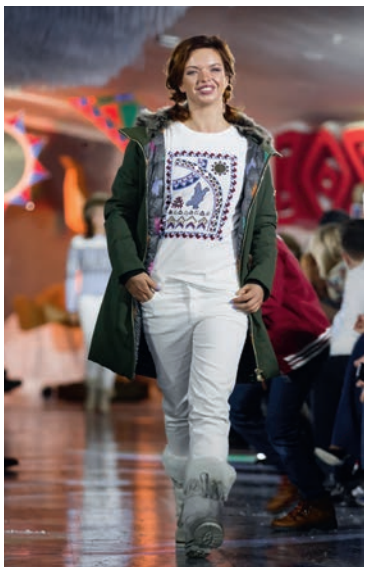
Модель в национальном наряде

Владислав Третьяк и Александра Савельева

Виктория Шелягова

Ирина Роднина

Марина Зудина



Алиса Гребенщикова

Светлана Хоркина

РЕКЛАМА

Виола и Валерий Сюткины

Алена Свиридова

Галина и Алексей Немовы

Мария Кравцова, Глава Группы компаний Bosco di Ciliegi Михаил Куснирович и участники показа

Филлипп Киркоров, Кристина Орбакайте, Михаил Земцов

Участники показа

Татьяна Навка

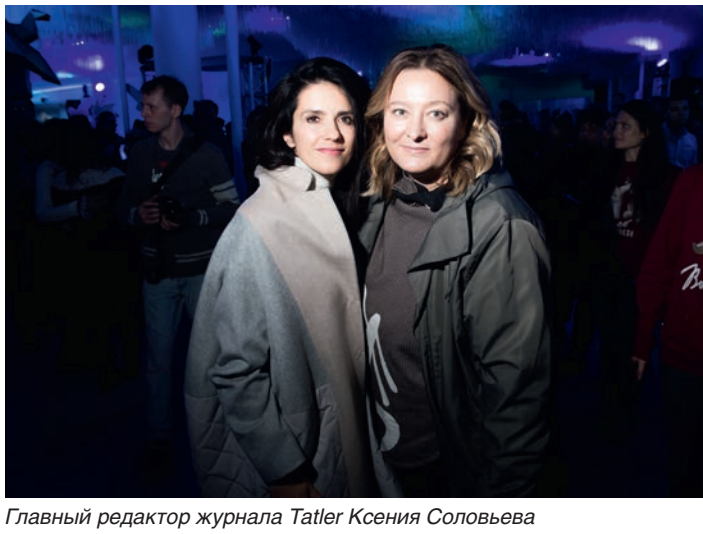
Слева - направо Чарльз Томпсон с дочерью Татьяной, Ольга Томпсон с детьми Натальей, Анной, Анастасией, Марией и Александром

Лаура Джугелия и Елена Летучая

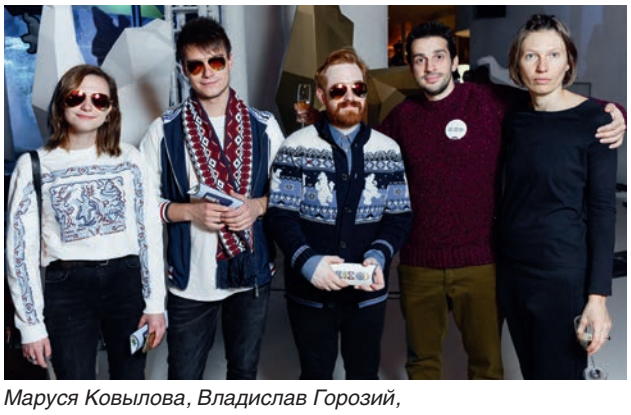
Илья Бачурин и Филипп Янковский

Президент холдинга Группа ИМА Андрей Гнатюк и журналист Евгения Милова

Мария Кравцова



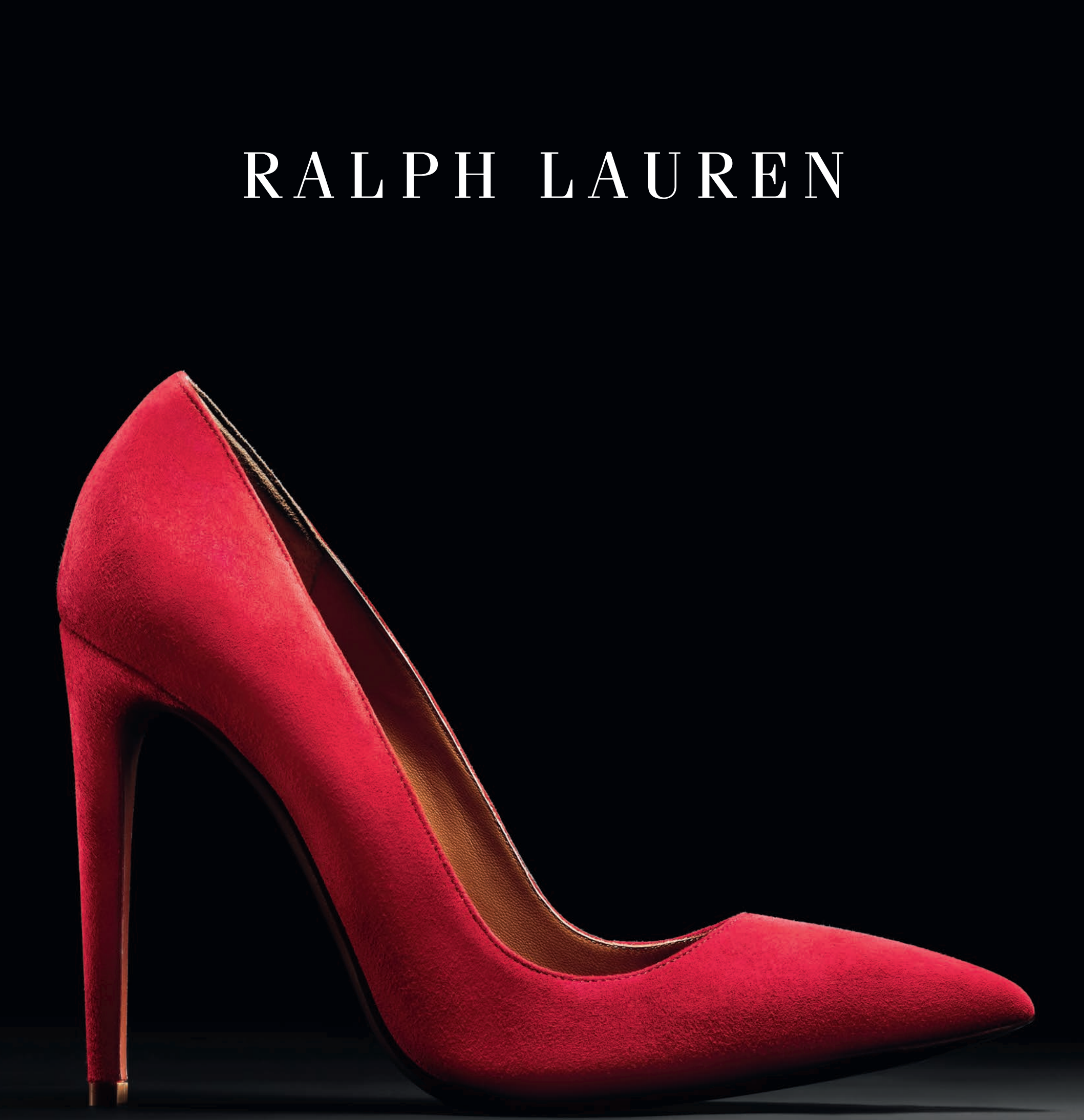
Главный редактор журнала Tatler Ксения Соловьева и главный редактор журнала Glamour Мария Федорова



Маруся Ковылова, Владислав Горозий, Илья Куснирович ГУМ Секция и Петр Налич с супругой Натальей

Деликатесы Крайнего Севера

RALPH LAUREN



ТРЕТЬЯКОВСКИЙ ПРОЕЗД, 1
495 933 3384

БАРВИХА LUXURY VILLAGE
495 225 8884

КУТУЗОВСКИЙ ПР-Т, 31
495 933 3127

ЦУМ, УЛ. ПЕТРОВКА, 2
8 800 500 8000

RALPHLAUREN.COM/COLLECTION

Реклама